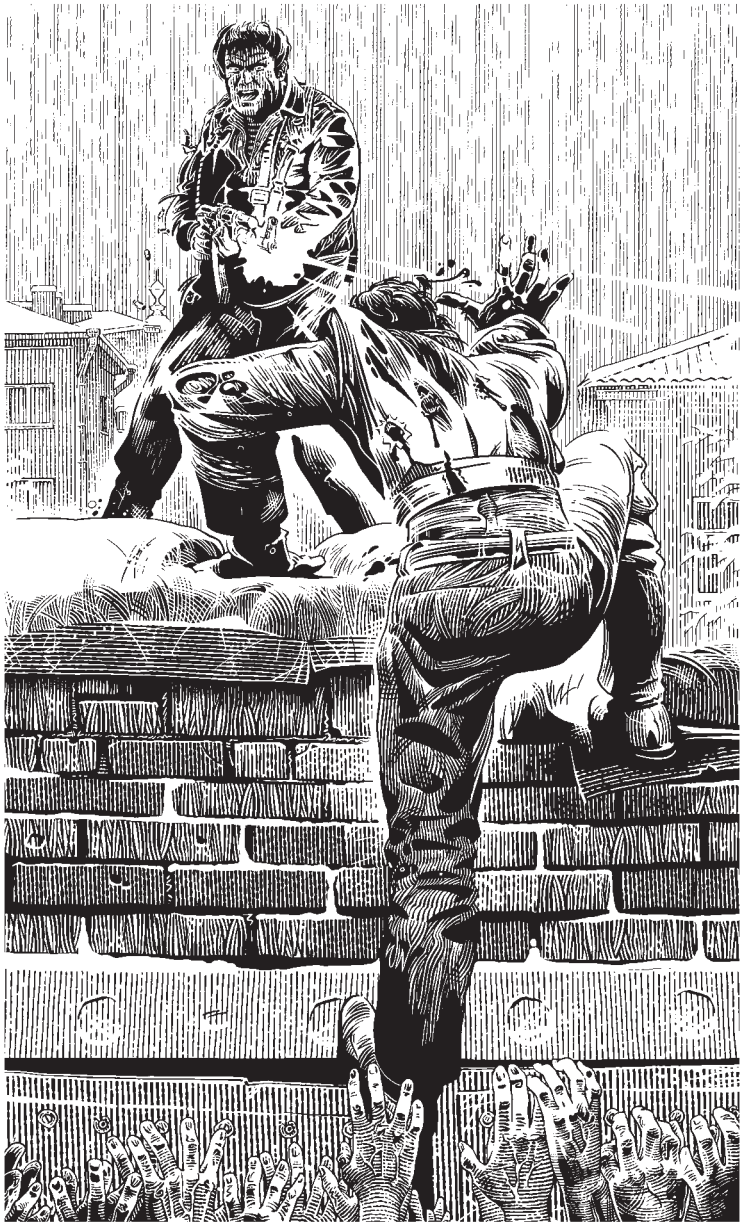




НОЧНАЯ СМЕНА. КРЕПОСТЬ ЖИВЫХ  
НОЧНАЯ СМЕНА. ЛАГЕРЬ ЖИВЫХ  
НОЧНАЯ СМЕНА. ОСТРОВ ЖИВЫХ





НИКОЛАЙ БЕРГ  
НОЧНАЯ СМЕНА.  
ОСТРОВ ЖИВЫХ

Роман

Москва, 2012  
**Э**АРМАДА  
&  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
Б48

Художник  
**О. Бабкин**

**Берг Н.**

Б48 Ночная смена. Остров живых: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 409 с.: ил.— (Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1222-8

«Обычный зомби медлителен, туповат и опасен только для безоружного и растерявшегося человека, находящегося в ограниченном пространстве. Таких зомби называют «сонные». Отведавший любого мяса становится сообразительнее, быстрее и представляет собой проблему даже для владеющих оружием живых. Называются такие шустрые зомби «проснувшиеся». Но хуже всего те из умертвий, которые смогли добраться до живого, необращенного мяса особи своего вида. Они изменяются даже внешне, приобретая новые возможности, интеллект их возрастает, но все это: мощь, скорость, хитрость — используется только для убийства живых. Получающиеся после морфирования образцы — их называют «некроморфы» — крайне опасны и могут быть нейтрализованы только специальными группами, уполномоченными руководством для такой работы...»

*Учебник «Основы безопасности жизнедеятельности» (раздел «Зомбология», глава I)*

«Но выжившие люди, утратившие человеческое в себе, страшнее любого морфа. Запомните это, дети».

*Примечание одностороннего преподавателя по ОБЖ*

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1222-8

© Николай Берг, 2012  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Нам повезло. И мне, и тем, кто сейчас рядом со мной. За нас умерли другие, дав нам самое важное — время, необходимое для того, чтобы понять что происходит. Им этого времени не хватило. Потому они не хуже или глупее нас. Никак нет. Просто менее везучие, принявшие на себя самый первый удар пришедшей на Землю катастрофы, которую у нас сейчас скромно величают Бедой. Такое происходит при любом бедствии: кому-то достается сразу полной меркой, а кто-то успевает понять, что нужно делать, и только поэтому спастись. Хоть цунами, хоть наводнение, хоть война — разницы особой нет. Все было прекрасно, и вдруг р-р-раз — прекрасное заканчивается навсегда... И уже совершенно не прекрасно все вокруг. Нам было трудно понять, какая именно катастрофа незаметно, но стремительно началась у нас в городе.

В отличие от наводнений, которые в Питере бывают постоянно, а раз в сто лет бывает Большое Наводнение, внезапное нашествие зомби случилось впервые. Да и не только у нас. В Москве, откуда эта зараза поперла изначально, тоже никто не мог поверить в такую нелепость. Нет, фильмы про зомбаков, конечно, все смотрели, в компьютерных играх тоже такого было хоть пруд пруди и к забору прислоняй. Но чтоб в реальной жизни... Да еще так буднично, рутинно даже. Без особых шумовых и световых эффектов и жуткой трагической музыки фоном. Но почему-то умершие перестали быть покойными, наоборот, оказались после своего обращения агрессивными, голодными и крайне опасными. И это было по-настоящему страшно. Видал я человека, которого в Санкт-Петербурге зимой кобра в губу укусила — выздоровел балбес. А вот от самого малейшего укуса вчерашних покойников все укушенные помирали довольно быстро, и ни одного случая чудесного спасения после укуса мне лично не известно. И добрые соседи, и родственники внезапно

становились самыми опасными в мире тварями. Куда там жалким кобрам или бездарным крокодилам с пугливыми акулами. В самом начале эту жуть можно было бы пресечь достаточно легко. Но именно то, что произошло нечто из ряда вон, необъяснимое, не могущее быть в природе по определению, сбило с толку, помешало сразу отреагировать адекватно, а дальше стало банально поздно — эпидемия обратимой смерти полыхнула как пожар на пороховом заводе. Через пару дней мертвяки уже заняли улицы во многих районах, еще через несколько дней по улице безопасно пройти было уже невозможно. Те, кто выжил, как и положено живым людям, в который раз за историю человечества показали, что людская порода не меняется и в страшные моменты показывает всю палитру возможного — от святого самопожертвования и человечности до паскуднейшей сатанинской гнусности и невиданной даже у хищного зверья жестокости. В общем, ничего нового, чего не было бы раньше. Новым были только непонятно как функционирующие зомби.

Выжившие организовывались группами, удерживали какие-либо территории, с чьей-то легкой руки называемые теперь анклавами. Мне с моими знакомыми повезло оказаться в одном из таких анклавов, который разместился весьма удачно — в старой Петропавловской крепости. Удалось разжиться оружием и, что не менее важно, боеприпасами. Мы смогли удержаться, наладить связь с другими такими же анклавами и даже устроить несколько спасательных операций. И то, что вся наша компания входила в состав сводной группы, которая отправилась на зачистку завода по ремонту бронетехники, неудивительно. Сейчас бронетехника — самый востребованный транспорт в городе. Удивительно, что мы и тут уцелели, потому как люди есть разные. Одни организовали на защищенной заводской территории лагерь для спасения живых, другие, исповедовавшие какую-то не слишком мне понятную религию, сумели в этом лагере взять власть в свои потные ручонки. То, что в такие периоды сектам раздолье, — понятно, особенно понятно это сейчас — все рухнуло, чистый апокалипсис, мертвые по улицам бродят, люди растерялись и многие готовы верить любой чуши, лишь бы ее говорили авторитетно и с уверенностью в голосе. Но вот то, что эти сектанты являются еще и людоедами, в голове не укладывается. В городе складов со жратвой полно, на несколько лет хватит, так что не в голоде дело. Дело именно в человеческой натуре. В тех ее сторонах, которые никак не поймешь...

## *Ночь. 10-е сутки Беды*

Темно, знобко и погано на душе. Ноздреватый грязный снег хрустит под сапогами.

— Эти кронштадтские сильно с военными поругались, — говорит шагающий рядом Саша, поправляя звякнувший антабками автомат.

— Что так? — просто чтобы не молчать, отзываюсь я.

— А сухопутные пригнали четыре автобуса с конвоем, отобрали кого помоложе — парней и девчонок — и к себе увезли. А кронштадтским, получается, одни старики и старухи останутся при таком раскладе. Пообещали автобусам колеса прострелить, если еще раз такое будет.

— Ясно. Ты б тоже присматривал — тут девушки еще остались, может, кого и спасешь. Небось из-за компа и не было девушки-то постоянной?

— Как сказать... — мнется мой спутник.

— Тебе надо завести себе девчонку, — решительно говорю ему в ответ.

— Надо. Они мягкие такие. Их щупать приятно.

Ишь тихоня... Я-то думал, он сугубо компьютерный ребенок, а он нормально мыслит. Благодаря компам, с одной стороны, можно было познакомиться хоть с японкой, хоть с австралийкой, с другой стороны, с соседской девчонкой хрен познакомишься, особенно если у нее компа нет. Вот и получалась куча народу, переписывающаяся в инете, зато боязнь противоположного пола при общении вживую стала проблемой.

Хотя, помнится, видал я девушку в отделе с компьютерной литературой Дома книги — ждал там своего коллегу, а встречи я всегда назначаю в теплом и сухом месте, это у меня после армии рефлекс такой.

Девчонка явно была «на охоте», нормальная такая симпатичная девчонка. Она держала в руках какую-то книжку типа «компьютеры для заварочных чайников» и, приглядев подходящего парня из тех, кто там шарился по полкам, обращалась с вопросом.

Ясное дело, парни тут же начинали пушить хвост и надувать щеки, отвечая на ее вопрос. Что уж она там спрашивала, я не слышал, но, судя по тому, с каким пылом ей начинали растолковывать, вопрос был достаточно простой.

Подошел коллега, я ему показал эту сценку. Коллега хмыкнул:

— Толковая девчонка. Берет за самое мягкое место, а парни в этом отделе всяко не самые бедные, не самые глупые, не сильно пьющие и, как положено компьютерщикам, вряд ли избалованы женским вниманием. Она сейчас наберет координат, потом начнет попереписывается по «мылу» — глядишь, и случится свадьбка! А парень еще будет думать про счастливое стечение обстоятельств, про знак судьбы и про то, что его невеста — ламер...

В чертовой темноте, освещаемой несколькими убогими костерками и огнем в ржавых бочках, лагерь на территории завода смотрится куда как мрачно. И до того, надо полагать, завод по ремонту бронетанковой техники с его здоровенными бетонными корпусами цехов не слишком уютно выглядел, а уж после того, что здесь произошло, и вовсе не кажется теплым местом. Хотя, наверное, когда тут организовали пункт спасения для тех, кому повезло не превратиться в зомби за первый же день накатившей на город катастрофы, а теперь оказавшихся в безопасном месте, впечатления были другими. Кто ж знал, что власть здесь фатально изменится, и все превратится в мерзотный концлагерь буквально за одну ночь. А нам тут последствия разгребать...

И последствий этих будет много. Освобожденные нами сейчас спят вповалку, где смогли приткнуться. Сектанты или кто там тут верховодил последнее время — удрали. Кто успел. Но мне страшно. Не оттого, что сыро, холодно и темно, и не потому, что совсем неподалеку валяется несколько сотен трупов упокоенных, да и неупокоенные тоже вполне могут быть рядом — нет, это-то как раз привычно. Уже привычно. Мне страшно оттого, что я наглядно убедился в том, насколько моментально люди теряют человеческое в себе.

Такое ощущение, что на этой загаженной, пропахшей ужасом территории я нахожусь уже давно. Даже не верится, что, собственно, вчера сводная компания из гарнизона Петропавловской крепости, из Кронштадта, с Медвежьего Стана и от Ржевского полигона бойко начала зачистку этого завода, напоролась на грамотное сопротивление обосновавшихся здесь сектантов, понесла катастрофические потери и в общем-то чудом сумела все-таки эту территорию очистить.

Теперь сил тут — кот наплакал, а вот спасенных получается несколько тысяч. И что начнется утром, когда простоявшие в битком набитых цехах трое суток без воды и еды люди немного



придут в себя, сложно представить. Это ж такое начнется... Сейчас-то они все спать повалились, где кто нашел себе место, потому тихо. Ну, почти тихо. Выстрелы-то слышны, только на них никто уже внимания не обращает. Что удивляет и радует — зомби пока попадались только некормленные, первичные, если так сказать можно. Ни шустряков, отведавших мяса, ни морфов, изменившихся уже до весьма опасной степени увеличения силы и скорости, пока нет. Тут же даю себе мысленного пинка — в нескольких корпусах завода таких тварей сидит целая куча. Хорошая была затея у сектантов, очень хорошая. И потери мы вчера понесли страшные, когда уже торжествовавшие победу люди получили подарочек — радиосигнал подорвал несколько зарядиков в цехе, где сидели специально откормленные шустеры и почти морфы, как стали называть отожравшихся на мертвечине зомбаков. Взрывами снесло петли ворот, и толпа голодной нежити ринулась прямо на живых — и освобожденных из соседнего цеха, и наших, посчитавших, что дело уже в шляпе и бояться нечего. Меня передергивает от всплывшего в памяти зрелища.

Возле полевой кухни оказывается кисло — истопник, скорчившись в позе эмбриона, лежит на какой-то дерюге, повар стоит на коленях рядом. Оба окружены кучей народа, и даже патрульные здесь — и наши, и пара кронштадтских.

Один из них как раз сует лежащему фляжку.

У меня возникает сильное желание прострелить патрульному башку — это тот самый борец за истинно народную медицину, с которым я уже цапался неоднократно. Надо было его с катера все же сбросить, чую спинным хребтом — я еще с ним наплачусь. Успеваю убрать флягу от губ истопника. Встречаюсь взглядом с милосердным патрульным-самаритянином.

— Чего вы лезете? — возмущенно спрашивает меня знаток медицины.

— Вы патрульный? — уточняю я.

— Да. И я оказываю помощь, — горделиво заявляет он.

— Вот сейчас подберется к нам сзади очередной шустер — и будет тут веселье. Помощь я и сам окажу, а вы будьте любезны — патрулируйте, черт вас дери, доверенную вам территорию.

— Но вы ее окажете неправильно!

— Знаете, мне несколько неловко...

— Что?

— Если вы не встанете на ноги и не отправитесь патрулировать, мне придется дать вам ботинком по морде, а это не очень хорошо для воспитанных людей. Идите патрулировать!

Упоминание о шустерах, однако, делает свое дело — одна пара патрульных, спохватившись, начинает выбираться из толпы. Мало того — они тянут за руку и моего оппонента.

— Пийшлы, пийшлы! — убедительно толкует один из них.

— А я уж думал дать ему по харе прикладом, — заявляет Саша.

— Я тоже думал... Что тут у вас случилось? — спрашиваю у заболевшего.

— Живот... схватило... — в два приема выдыхает лежащий.

— Как схватило? Рвота, понос были?

— Как ножом под ложечку пырнули. Больно, аж режет...

— Рвоты и стула не было, — замечает толстый повар. — И ножом не пырлял никто. Я испугался, рукой залез — нет там ран. И крови нет.

— У вас язву диагностировали? — спрашиваю лежащего.

Истопник испуганно смотрит на меня. Дыхание у него частое и неглубокое — даже так видно, а поднесенная к его носу кисть руки это подтверждает: кожа на тыльной стороне кисти нежная, дыхание улавливает четко.

— Да была вроде. Думаете, она?

— «Мужайся, княгиня, печальные вести», как пелось в опере «Князь Игорь», — глупо шучу я. — Думаю, что у вас прободная язва желудка или двенадцатиперстной кишки. Будем вас эвакуировать. Саша, свяжись с нашим ботаником — urgentный случай. Надо больницу предупредить — необходима операционная на ушивание перфорированной язвы желудка. Нам требуется транспорт для доставки лежащего на берег и транспорт для перевозки от берега до больницы.

Саша начинает бубнить в «длинное ухо», как он называет свою рацию.

— А без операции никак, а? Обязательно резать надо? — жалобно спрашивает пациент.

— Никак. Но вы так не волнуйтесь — в клинике и операционная есть, и врачи. Сделают в лучшем виде, — пытаюсь его успокоить.

— А может, все-таки не надо резать, а?

— У вас дырка в желудке. Сквозная. И все из желудка льется долой. Прямоком на кишечник, в брюшную полость. Сейчас вам хреново, потом через несколько часиков станет полегче —

отомрут нервные окончания, а еще через несколько часиков будет отличный разлитый перитонит, и придется ампутировать кусок кишечника. Дальше вы или будете как многочисленные наши сограждане — зомби, или выживете, но останетесь калеккой. Мне очень невесело вам это говорить, но лучше, чтоб вы были в курсе дел.

— А попить можно? Во рту пересохло!

— Сейчас ватку намочу — язык увлажним, легче станет, а вот пить нельзя категорически. Кстати, — тут я поворачиваюсь к повару, — вы же говорили, что вы биолог?

— Да, а что?

— Почему допустили к пациенту этого самозваного лепилу с фляжкой?

— Знаете, он был очень убедителен, а я, к своему стыду должен признать, растерялся...

Смущенный повар лезет на кухню — продолжать раздачу жидкого супчика, благо толпа голодных все же дала возможность разобраться с заболевшим. А сейчас уже заворчали, нетерпение проявляют.

Ну да, разумеется, как появляется очередной наглый сукин сын, так окружающие вместо того, чтобы дать ему сапогом под копчик, развешивают уши. Потом удивляются: где мозги были? Знакомо. Главное — вести себя самоуверенно, тогда любая лажа годится... Эх!

Поверхностный осмотр только подтверждает диагноз.

Холодный пот, живот как доска и любое движение усиливает боль.

В утешение рассказываю страдальцу про то, как я давным-давно делал хирургическую подмогу в глухомани — операция была по удалению нагноившегося ногтя на большом пальце ноги. Под анестезией стаканом портвейна пациент пел лежа на койке и играл на баяне, чтоб ему было нестрашно, а я оперировал безопасной бритвой «Нева» и перочинным ножиком. Да, еще у меня были пассатижи... И самогонка для стерилизации операционного поля и инструментов. Зажило, кстати, отлично. И новый ноготь вырос нормальным.

Больного увозит в кузове обшарпанная «газель», а мы застаем определенно суету, характерную для начала действия. Больного сгрузят на берегу — там, где развёрнут с самого начала операции медпункт, и быстро эвакуируют катером. Повар, вспомнив нечто важное, успевает поделиться этим важным с нами. Возвращаемся груженные этим самым важным к медпункту...

— Решили выдвинуться к пустым цехам, как тебе и хотелось, — удивляет меня снайпер Ильяс, который сейчас командует нашей группкой.

— И почему такое пуркуа па? Ты ж мне отказал категорично, когда я тебя просил проверить пустые цеха.

— На свете есть такое, друг Гораций, о чем не ведают в отделе эксгумаций! — вворачивает одну из своих типовых судебно-медицинских шуточек стоящий рядом с нашим новоиспеченным командиром мой младший братец. — Возник шанс разжиться всяким вкусным, заодно оказав массу благодеяний страждущему человечеству.

— Я пустой. Медикаменты нужны.

— Сейчас с берега привезут. Давай, прикидывай: кого из медиков берешь? — невесть откуда взявшимся бодрым командирским тоном спрашивает Ильяс.

— А чего прикидывать — братец и медсестрички остаются тут, поиск проводить будут санинструкторы, ну и я с ними первый раз схожу. Поднатаскать. Тут другой вопрос возник.

Ильяс поднимает вопросительно бровь.

— Повар этот напомнил, что куча жертв при переправе Великой Армии через Березину была связана с особенностями человеческой психологии...

— Бре! Сейчас будешь рассказывать, что мосты французские саперы построили еще вечером. Ночью мосты стояли совершенно пустые, никто по ним не шел, хотя некоторые толковые офицеры пытались заставить этих «жарильщиков» оторвать задницы и пройти полкилометра, но все сидели у костерков, а вот утром ломанулись скопом, устроили давку, попадали с мостов в воду, сами мосты своей тяжестью поломали и в итоге обеспечили полноценную катастрофу. Так?

— Так. А ты откуда знаешь?

— Ты ушами слушаешь? Я тебе говорил уже — мой предок там отличился. У нас в роду к предкам относиться принято серьезно. Мы ж, — Ильяс ядовито ухмыляется и с нескрываемой издевкой выговаривает, — не цыфилисофанные, дикие... Ладно. Сам думаю, что с утра хлопот добавится куда там...

— Я все же не понимаю, с чего вдруг ты согласился... Не, ты, конечно, у нас командир и как скажешь, так и будет, — но все-таки?

— Там стоит брошенная исправная бронетехника. Несколько единиц. Кронштадтские пока не сообразили, армейские — тож туда опасаются сунуться. Руки у них не доходят. А нам как

бы и кстати. И медпомощь оказали, ну и к подметке что-то прилипло... Не отлеплять же... Компрене ву или нет?

— Ву! Сейчас сумку пополню. С братцем своим детали обговорю — и форвертс!

— Это по-какейски?

— Вперед. По-немецки, — поясняю ему.

— По-немецки я только «ахтунги» знаю.

Ильяс подмигивает. Не могу понять, но, как только он стал командиром нашей «охотничьей команды», что-то в нем изменилось. Или наш снайпер сам поменялся?

Пока я снова набиваю сумку, никак не могу отделаться от впечатления, оставшегося после разговора с нашим командиром. Вишь, у них в семье помнят парня, который воевал, черт возьми, аж два века назад. Честно говоря, мне завидно. Хотя вот я своего деда помню.

Он был очень спокойным и работающим человеком, причем руки у него были золотые. Одинаково мог починить часы и сделать легкую и удобную мебель, возвести сруб для дома или починить резную раму для старинного зеркала. Неторопливый, добродушный.

Про войну рассказывать не любил. Свое участие в ней оценивал скромно. Потому я, воспитанный на поганой совковой главпуровской пропаганде, считал, что вообще-то раз солдат не убил пару сотен немцев и не сжег десятков немецких танков, то и говорить не о чем.

Это большая беда — про войну наши воевавшие рассказывать не любили, берегли нас от тех ужасов, а пропагандисты, как правило, были из «героев Ташкентского фронта», и потому их стараниями сейчас разные выкидыши от истории плетут невиданную чушь — и им верят внуки и правнуки тех, кто победил великолепную германо-европейскую армию, кто дал нам жить и так напугал наших неприятелей, что полвека мы не воевали — нас боялись. Вот, кстати, битые немцы про войну рассказывать любили. Такие мемуары понаписали, что любо-дорого. Почитать если, так они дважды все наше население постреляли, все танки пожгли и всю авиацию сбили: почему опозорились в конце войны сдачей своей столицы и безоговорочной капитуляцией — совершенно непонятно.

Еще будучи совсем мелким, я сильно удивился, когда мы с дедом мылись в бане. У деда правая ягодица сверху была украшена пяточком тонкой блестящей кожицы, а вот снизу отсутствовал здоровенный кусок — с мой кулак, причем там шрам был

страшным и здоровенным. Каким-то перекрученным, си-не-багровым, в жгутах рубцовой ткани.

Естественно я поинтересовался. Дед, смутившись, объяснил, что это пулевое ранение. Навылет.

Должен признаться, что как-то мне это показалось диким. Ведь все ранения у смелых — спереди. А тут сзади. Да еще в попу. Совсем как-то неловко. Очень нехорошо. Хотя деда жалко, конечно, но как-то стыдно и нехорошо.

На том дело и закончилось. В разговорах с мальчишками «про войну» я эту тему старательно обходил. В семье были еще воевавшие, но все они как-то категорически не вписывались в плакатный образ бойца-победителя.

Часто в гости приходил брат деда. С одной стороны, он был моряком, участвовал в обороне Одессы, списавшись там с корабля на берег — в морскую пехоту.

Это звучало дико — морская пехота. Сейчас такое представить трудно, потому как американцы со своими маринами — морскими пехотинцами — так всем прожужжали уши, что теперешние дети небось скорее пехоте удивятся. А вот в то время, когда я был маленьким, как-то странно это звучало. Как какой-то суррогат пехоты. Моряки же должны на кораблях воевать, а то вдруг в пехоте. Все равно как спешенный танкист или летчик.

Потом брат деда воевал под Севастополем. Там и попал в плен. Ну как так в плен?

А героически подорвать себя гранатой? С десятками немцев? И хотя дед уважительно отзывался о том, как воевал его брат, к самому брату он относился не очень хорошо.

Я это понимал так: брат деда женился на некрасивой бесцеремонной толстой бабе с трубным голосом, много пьет и с дедом часто спорит. Отсюда и прохладность в отношениях.

Гораздо позже я узнал, что брат деда после освобождения из немецкого плена воевал до конца войны, потом же все время был уверен, что скоро будет новая война и потому глупо заводить детей, а надо жить в свое удовольствие. Ладный умный парень стремительно спился. И красивые женщины, проходя мимо него чередой, как-то незаметно превратились в страшноватых баб; последней из них хватило ума держать мужа (таки убедила расписаться) постоянно датым. Меня еще удивляло, что тетушка отмеривает мужу из бутылочки, которая всегда была у нее в сумке, дозы портвешка — по чуть-чуть, но довольно часто.

Деду не нравилось, когда его брат начинал над ним посмеиваться: ишь выводок родил, а вот сейчас война будет — и все. Я-де хоть пожил! Не нравилось, что пьет. Не нравилась его беспардонная жена...

А потом мне попалась книжка Ремарка «На западном фронте без перемен». Этого писателя я уважал, и потому отношение его героя к ранениям в задницу как к совершенно одинаковым с другими меня удивило и заставило подумать. То, что и смелый может получить рану в спину, а тем более в задницу, — это я тоже понял.

Опять же и бабушка как-то невзначай вспомнила, когда я пришел из школы с разбитым носом, что вот дед-то в драке был крут и обидеть его было непросто и что она, будучи завидной невестой с выбором, выбрала его после того, как он на деревенских посиделках отлупил деревянной лавкой целую кодлу пришедших озорничать парней из соседской деревни.

То, что мне удалось в свое время выспросить у скупко рассказывавшего деда, запомнилось. Получилось отрывочно и не очень точно — дед-то мне называл и деревни, и части, и фамилии генералов и другого начальства, фамилии товарищей. Он все это отлично помнил. Забывал то, что было час назад, а то, что было тогда, помнил точно и не путался.

В финскую войну дед служил в зенитно-пулеметной роте. Это счетверенные станковые пулеметы «максим» на тяжелой тумбе, установленные в кузовах грузовиков.

Работы было много, боев мало. У финнов было негусто самолетов, летали они редко.

Финская армия дралась за свою землю свирепо, и потери в нашей пехоте, штурмовавшей линию Маннергейма, были серьезны. Деду запомнились наши подбитые танки, особенно многобашенные монстры. Дырочка в броне маленькая, а танк сгорел, люки закрыты и горелым мясом пахнет вместе с горелой резиной. Или — если не горелый — под танком и на броне кровь студнем...

Выбили финнов из деревни. Танки по улицам ездят спокойно, а пехотинцев тут же расстреливают не пойми откуда. Прибыло начальство. Распорядилось. Пришли огнемётные танки — маленькие, с длинным стволом, на конце которого горел шмат пакли — от этого огня вспыхивала струя горючей жидкости. Сожгли дома. Оказалось, что стрельба велась из подвалов, переоборудованных в доты. Саперы эти подвалы подорвали

практически без потерь — вместе с их гарнизонами. Ходили слухи, что у финнов воюют и женщины.

Мои руки автоматически раскладывают по увесистой сумке бинты и медикаменты. Это никак не мешает вспоминать.

Дед ни разу среди мертвых финнов женщин не видел, но эту точку зрения разделял уверенно. Ему надо было с приятелем перейти открытое пространство между двумя рошицами — на виду у финнов. Решили дернуть на авось — обходить больно не хотелось. Только вышли с того края, из кустов, куда они направлялись, им кричат: «Не ходите здесь! Снайпер стреляет!» И хлоп — выстрел. Мимо!

Дед и его приятель пустились бегом. Еще выстрел — и еще мимо.

Дед был твердо уверен — женщина стреляла, потому и промазала. Мужик двух дурней ленивых не упустил бы. Усмехаюсь про себя. Тогда это было совершенно нормально, сейчас его выводы окрестили бы сексизмом.

Колонну грузовиков вечером обстреляли из засады. Ответ получился внушительный, финны его явно не ожидали: видно, приняли боевые машины за обозные, вот и напоролись. Огонь из счетверенных-то сильное впечатление производит. Один пулемет, не напрягаясь, делает триста выстрелов в минуту, а тут вчетвером с одной только машины — тысячу двести пуль в минуту, да и машина не одна. Колонна остановилась. Потом собрались и прочесали опушку. Нашли какие-то финские шмотки и брошенный автомат «суоми» с круглым диском.

Боец, который на гражданке был часовщиком, взялся его разобрать. Разобрал-то его быстро, а потом оказалось многовато лишних деталей. Не получилось его собрать, бросили в костер.

Почему-то часть роты стояла отдельно, и потому пришлось выбирать каптенармуса и повара для тех, кто стоял в отрыве от основной группы. Выбрали деда, чем он явно гордился, — мне так это и сейчас кажется хлопотным делом, а деду польстило, что его посчитали достойным, порядочным человеком. Ну он и натерпелся в первый же день. Привез мясо и, взвесив, ужаснулся — недостача, причем большая. Кинулся обратно. Ему со смехом показали на все еще лежавший на весах топор — дед его сгоряча положил вместе с мясом и взвесил. Получил дополнительно кусок с гарниром из шуточек. Привез, сварил, взвесил вареное мясо. Опять ужаснулся — мяса снова стало меньше, чем было. Чертовщина какая-то! Ну осторожненько поуточнял



и успокоился, умные люди разъяснили — мясо, оказывается, уваривается, вареное легче сырого...

(Думаю, сегодня многие удивятся: во, какие лохи были! Болваны те, кто не стырил, а вернул кусок мяса, и каптер дурак какой-то — при кухне, а не воровал, да и работе обрадовался. Тоже, значит, лох. Не лохи — оне не работают! Могу только сказать: если так думают, то поганое сейчас время.)

Дни, когда подразделение деда оказывалось подальше от начальства и как бы совсем само по себе, были очень спокойными. Не было дурацкой работы из принципа, чтоб солдат непременно чем-то занять. Деду, например, очень не нравилась перебивка лент для пулемета — это было как раз «чтоб не бездельничали»: из длиннющей ленты в тысячу патронов надо все патроны вынуть, почистить саму ленту, почистить патроны и потом машинкой вставить обратно. Имелось много работы по обустройству — уже настала зима, а надо было и жилье сделать, и баньку... В войсках того времени последняя устраивалась непременно: как встали на место и надолго, тут же начинали обзаводиться баньками для личного состава. Командиры гордились, если их подчиненные и живут удобнее, и баня их лучше, чем у соседа.

Помимо деда в подразделении имелись и другие мастера — плотники. А плотник супротив столяра-краснодеревщика никакого сравнения не выдерживает. Поэтому дед еще и стройкой там руководил. Соседям нос утерли — добротные получились и блиндажи, и баня, и прочее, что требовалось. Дед хорошо и печи клал.

Одно деду жизнь отравляло — на кухне у него крыса завелась. Посреди леса — и крыса. Дед чистюлей всегда был, и такое соседство его бесило. Он раздобыл у приятелей наган — почему-то с отпиленным куском ствола, и решил крысу подкараулить у одного из ее выходов. Несколько раз крыса выбиралась не оттуда, где ее ждали, но наконец совпало, и дед ее героически пристрелил. Для остальных бойцов это приключение долго оставалось основной темой и источником всяческих шуточек и подковырок — как Иваныч за крысаком охотился. Но вместе с тем зауважали больше, потому как чистота на кухне — это дело.

А дед после похорон убиенного крыса подале от кухни задулся: что пасюк посреди леса делал? Ну не живут крысы в лесу, они в домах живут. Стал копать снег, где крысова нора была. Под снегом — слой углей. А под углями — недогоревшие доски-бревна и кирпичный свод с люком. Дом был с подвалом.

Дом-то сгорел, а подвал уцелел и оказался набит всякими солениями-вареньями, которые здорово улучшили рацион зенитчиков. Ощутимый оказался приварок.

(Опять же по нынешним понятиям — лохство сплошное: нет чтобы товарищам все это продать, а не отдавать даром... Разбогател бы!)

Вообще финские дома поражали зажиточностью. Сами-то дома не так чтоб очень, наши тоже не хуже строили, а вот городская мебель и особенно костюмы «на плечиках» — удивляли. Дело понятное — война шла в самых фешенебельных местах Финляндии, на курортах Карельского перешейка. Потом в 1944 добрались до куда более скудных и убогих мест — разительный был контраст. А на Карельском жили весьма небедные финны. В подвалах оставались запасы. И хотя политбойцы рассказывали, что финны все отравляют, наши ели. Многие поживились финским добром из брошенных домов. Дед не польстился. Еда на войне — это одно, а воровать вещи был не приучен. Посылал дочке (моей будущей маме) цветные картинки в письмах. Птички, цветочки... Пачка открыток где-то попалась, вот их и пользовал.

А еще отметил, что у финнов срубы рубили не так, как у нас. Да еще то, что сараи для хранения сена были «дырявые», бревна со здоровенными щелями уложены — видно, чтоб сено на сквозняке проветривалось...

Потерь в зенпультоте было мало, и какие-то они были нелепые. Два солдата чистили пулеметы после стрельбы. Один случайно нажал грудью на общий рычаг спуска. Находившийся напротив был убит наповал — в одном из четырех пулеметов в стволе оказался патрон...

К деревне, где стояли наши войска, из леса на лыжах прикатили гуськом пятеро финнов. Их увидели издалека и сбежались посмотреть. Кто-то ляпнул, что это финны в плен сдаваться идут. Народу набежало много, а финнов пятеро, идут целенаправленно — ясно видят же, что в деревне русские. Наверное, действительно сдаваться. А оказалось — не совсем. Подъехали поближе, шустро развернулись веером и вlepили из автоматов «от живота» да по толпе. Наши шарахнулись в разные стороны, но многим досталось. А финны так же шустро по своей лыжне обратно в лес. Тут и оказалось, что поглазеть пришли без винтовок. Пока то-се, а финны уже у леса. «Если финн встал на лыжи, его и пуля не догонит». Но одного догнала. Тогда двое финнов раненого подхватили под мышки, двое других съехали с лыжни

и пошли, проторивая лыжни для носильщиков, чтоб тем, кто раненого тащит, не по целине переть, — и в момент в лес.

После этого наши сделали такой вывод: без винтовки — никуда. Чтоб всегда при себе. А то умыли почти вчистую... Так и учились.

Еще дед запомнил финские окопы — старательно сделанные, глубокие, с обшивкой. И то, что во время наших артобстрелов финны утекали во вторую линию, а наши молотили по первой. Когда артобстрел прекращался и наша пехота поднималась, финны тут же занимали передовые окопы и встречали атакующих плотным огнем. Пока кому-то из артиллеристов не пришлось в голову перенести огонь на вторую линию, а пехоте подняться до окончания обстрела. Вот тогда получилось почти так же, как действовали немцы в сорок первом, — финнов здорово накрыли на запасной позиции, а потом еще и пехота оказалась куда ближе. Трупов финских осталось в траншеях и ходах сообщений богато. Ребята из расчетов ходили смотреть и были там долго. Ну а дед глянул для общего развития и не особо долго зрелищем наслаждался: ну трупы и трупы, невелико счастье — на мертвецов пялиться.

И о дотах финских, о полосах заграждения дед отзывался с уважением — большая работа и грамотно сделана была.

Уже летом 1940 года. Дневной марш по пыльной проселочной дороге. На потных солдат пыль ковром садится, вместо лиц — странные маски с зубами и глазами. Не узнать, разве что по голосу. В глотках пересохло. Долгожданный привал — в лесу у озера. Солдаты толпой к воде.

Дед был дневальным, задержался. Но быстро договорился с другим парнем, с соседней машины, и тоже побежал с дороги под уклон, снимая пилотку, ремень и гимнастерку. Влетел в кучу сослуживцев, а они, полуодетые, почему-то в воду не лезут, хотя жара и пыль на зубах скрипит. Дед их спрашивать, а они пальцами тычут. В воде неподалеку от берега лежат на дне прошлогодние трупы в нижнем белье. Непонятно чьи, почти скелеты уже, но еще не совсем... Вода прозрачная, все в деталях видно.

Поплескались с краешку... Не вышло купания. Дальше поехали как пришибленные: кто там валялся — одному богу известно.

(Сейчас, конечно, ясно всем, что там могли валяться только совки, потому как финны практически войну выиграли, лишь от щедрого сердца отдав все, что им сказал Молотов. Своих

солдат они не бросали, и вообще финнов несколько не погубило.

Мне лично так считать мешает то, что мой родной дядька нашел как-то вместо гриба череп — принял его за шляпку боровика, торчащую из мха. Потом они с приятелями скатали мох — и нашли несколько скелетов в полном обвесе, с лыжами, оружием. Несколько финнов. Рассказывал он, что там они лежали практически кучей, а считать не было интереса. Начало шестидесятых годов, все еще было неплохого сохрана — и финская обувь с загнутыми носами, и свитера, и кепи... Ну тогдашние мальчишки такого добра видали много, а эти лыжники, судя по многочисленным пулевым дыркам в костях, попавшие под пулемет, были какими-то нищербродными, даже ножи были какие-то некрасивые...

И другие мои знакомые не раз находили в лесу останки финнов. Да, я знаю, что наша партия и правительство хреново относились к нашим погибшим бойцам, и их много и сейчас лежит неупокоенными, но не надо рисовать наших врагов ангелами во плоти. У них тоже всяко было. Вот чего у них не было — так это выжженной земли, какую они оставили нам, уходя... И нашим дедам пришлось все отстраивать заново. Может потому не до мертвых было...)

Дед вернулся с финской войны целым и невредимым. Никого не убил и не привез никаких трофеев.

После финской дома прожил всего ничего. Практически на следующий же день после объявления Отечественной был призван. И началась еще более страшная и длинная война.

Меня окликают. Встряхиваюсь. Не время для глубокомысленных раздумий и воспоминаний. Санинструкторы стоят кучкой. Нервно курят. Мальчишки совсем.

— В одну шеренгу — становись! — командую им.

Не слишком шустро и ворча что-то, все-таки выстраиваются кривоватой шеренгой.

— Сейчас пойдем к цехам. Задача — сбор уцелевших раненых. Вопросы?

— А если там живых нету? — спрашивает один из середины, верткий такой, ушанка у него нахлобучена «с чужого плеча», уши торчат смешно. Надо бы по уму, чтоб он сначала разрешения попросил на вопрос — как-никак я все-таки успел стать офицером. Но все равно для этих мальчишек я штатский, так что черт с ним.

— Тогда упокоение зомби, сбор оружия и действия по об-

становке. Опыт оказания медпомощи есть? У кого есть — поднимите руку, — говорю им.

Поднимают руку трое. Маловато.

— Значит, напоминаю: если кровотечение — заткнуть дыру тампоном или индпакетом, кровь остановить, рану перевязать. Сломанные конечности не тормошить, обездвижить на два сустава минимум.

— Шин у нас нет, — доносится из строя.

— Пользуйтесь подручным. Вот я недавно магазин пустой на перелом примотал.

— Собираешься им курс лекций читать? — тихо, чтобы не ронять моего авторитета, деликатно спрашивает Ильяс. По тону понятно, что он категорически не одобряет мой почин.

— Только самое важное и то в двух словах, — так же негромко отвечаю я.

— Лучше им скажи, чтоб оружие держали наготове, но на предохранителе, поодиночке не шарились и не перестреляли друг друга сдуру.

Тут Ильяс прав. По возможности кратко говорю им это. Ильяс терпеливо выжидает конца речи и тут же распределяет мальчишек — кто с кем двигается.

Нам не удастся спокойно добраться до цехов. Там была бойня. Но и здесь убитых валяется много. Вижу, что это, скорее всего, упокоенные. Погибшие лежат не так чтоб слоём, но проехать невозможно, а давить тела наш водитель Вовка категорически отказался. Благородно, конечно, но есть у меня смутное подозрение, что причина несколько иная. Впрочем, эти мысли я высказывать не собираюсь.

— Будем растаскивать, чтоб дорогу освободить. Мы с Андреем — на прикрытии с бэтэера, Серега — пулемет, держишь заднюю полусферу. Пятая и шестая тройки — оттаскивают, третья и четвертая — на прикрытии, меняются через десять минут — направление на вон ту маталыгу, что к нам ближе, резерв — у кормы бэтэера, — дает расклад Ильяс.

— Мне что делать? — спрашиваю у него, когда Ильяс лезет на бэтээр.

— На тебе ракеты. Если вдруг что нештатное, давай ракету. И посматривай по сторонам. Внимательно!

— Ильяс, как бы не укусили таскателей!

— Багров у нас нет. Веревочных петель не напасешься. А все

одеты по-зимнему, в перчатках, так что только лицо беречь. Да и почищено тут уже.

— Пару багров я видел, — откликается курсант Званцев, носящий заодно дурацкую кличку Рукокрыл, он сейчас сидит за фарой-искателем.

— Где?

— На пожарных щитах.

— Третья и четвертая тройки, вместе со Званцевым-младшим принесите багры. Одна нога — здесь, другая — там.

— Нехорошо людей, как тюки какие, баграми кантовать, — отзывается один из посылаемых.

— Исполнять! Нам тут еще не хватает укушенных!

— Так они же упокоенные!

— Доктор видал такого — засадника, в куче мусора поджидал. И ваши тоже видали — под машиной прятался. Так что отставить базар — и бегом! Времени мало! Бегом, я сказал!

Что-то быстро стал Ильяс заводиться...

Посланцы скоро вернулись. Теперь бэтээр рывками продвигается по десять — пятнадцать метров и встает, подсвечивая фарами следующий участок пути. Пока ни одного зомби не попало. А вот тела идут все гуще и гуще. Едем как по рельсам — не свернуть. В БТР уже накидали два десятка собранных автоматов, несколько бронешилетов, подсумки с магазинами. А мы еще не добрались до эпицентра.

Черт, какие нелепые потери — и катастрофические! То-то сухопутчики свалили большей частью. Такой провал деморализует мощно. Здорово, что у зомби скорость мала, а то добились бы оставшихся. Паника — страшная беда, бегущий в панике — легкая добыча.

У первой же брошенной маталыги сюрприз: дверцы заперты изнутри, люки закрыты. Кто-то успел запереться.

— Ну кто что скажет — зомбак там или живой? — спрашивает Ильяс.

— Постучите да спросите.

— Эй, есть кто живой? — грохает прикладом в стенку МТЛБ меньшей Званцев.

В ответ в брюхе стылой машины отчетливо лязгает передернутый затвор автомата.

И снова тихо.

Сидящий — или сидящие — не отвечает.

Зато затвором лязгают на каждый окрик.

Андрей внимательно послушал несколько раз, попросив

остальных не шуметь, потом о чем-то поговорил с Ильясом и Вовкой.

Вовка явно отрицательно отнесся к сказанному — головой мотает.

Ильяс злится. В конце концов сам идет к кормовым люкам, руками показывает, чтоб все ушли из возможного сектора обстрела, и рывком открывает дверцу, отскакивая в сторону.

Опять лязгает затвор.

И еще раз.

— Вы что, первый раз на свет родились? — яростно спрашивает Ильяс.

— А чего ты хочешь? — осторожно осведомляется конопатый санинструктор, предусмотрительно стоящий сбоку от темной глыбы МТЛБ.

— Фонарь давай! — поворачивается ко мне Ильяс, отмахивается от попытки удержать его за плечо и выставляет фонарь так, чтоб ослепить сидящего в глубине машины.

Затвор лязгает несколько раз подряд.

Тогда наш командир, не скрываясь, забирается в проем двери и светит перед собой.

— Пятая тройка, вытаскивайте!

Заглядываю через его плечо. В луче фонаря, скорчившись в комочек и выставив перед собой автомат, сидит совсем мальчишка и дергает затвор автомата. Понятно, что слушал Андрей — магазин давно пуст, патроны при дерганье затвора не вылетают, не стучат по полу, не катятся... А вот физиономия пацана мне не нравится никак. Не в себе он.

Мимо лезут ребята из тройки. Внутри после короткого бухтения и звука пары пощечин начинается драка, и резкий визг бьет по ушам.

— Этот суконыш вылезать не хочет!

— Эй! Не бей его!

— Дык он кусается!

Сроду бы не подумал, что выковыривать из довольно просторного салона тягача худенького мальчишку окажется таким трудным делом. Ребятам с колоссальным трудом удастся дотащить — или дотолкать, докатить — свихнувшегося к дверцам. Там он упирается, не переставая пронзительно верещать, да так прочно, что выдернуть его удастся только совместными усилиями двух троек и Ильяса.

Причем он не дерется. Ему нужно только одно — спрятаться обратно в салон. Он просто выворачивается из хватающих его

рук и бьется как здоровенная рыбина, тупо, бессмысленно, но неожиданно мощно для своих размеров. И этот режущий уши визг! Как у него глотка выдерживает?

Нам с трудом удастся примотать его к носилкам, потом я колю ему весьма зверский коктейль, а Ильяс напяливает повязку на широко распахнутые запредельным ужасом глаза.

Не знаю, что сработало, но паренек затихает и только тихонько поскуливает.

— Свихнулся? — отдуваясь, спрашивает Ильяс.

— Скорее бы сказал, что это острый реактивный психоз, — отвечаю на не требовавший ответа вопрос.

— Неужели нельзя это сказать более русским языком? — не нравится Ильясу, когда кто-то шибко умничает.

— Да, свихнулся, — киваю в ответ.

— Вылечить можно?

— Надеюсь, — пожимаю плечами.

Переводим дух. Носилки с пареньком ставим обратно в МТЛБ. На фига, спрашивается, корячились? Сидел бы себе, лязгал затвором.

Вовка уже осмотрел новый агрегат. Все исправно, и ему придется теперь шоферить на гусеницах. С БТР берется справиться старший сапер, а вот гусеничное он водить не умеет — какие-то свои хитрости в управлении этой техникой.

Действуя по такому же принципу, добираемся до следующих броняшек, но в них живые отсутствуют. Вот шустрик оттуда, из чрева старенького бэтээр-80 с полустертыми цифрами на блекло-зеленом борту, выпрыгивает, и получается у него это очень ловко.

Мы как-то не успеваем рыпнуться. Но меланхолично стоящий на крыше нашего бронетранспортера Андрей молниеносно валит одним выстрелом измаранного кровийшей зомби, бывшего при жизни средних лет потрепанным мужиком.

— Зевс-громовержец, — выразительно заявляет откуда-то справа водолаз Филя.

— Да уж, не Венера, — показывает слабое знание греческой мифологии Андрей.

Мы уже добрались туда, где на торжествующих победу наших товарищей высыпалось несколько десятков специально откормленных зомбаков, причем не только шустриков: среди густо валяющихся тел ребята быстро находят штук пять недоморфов, которые уже внешне отличаются от просто пошустревших от сожранного мяса — лица у таких словно потекли.



Черты размазались, превращаясь в морды, и особенно заметно изменились челюсти. Страшноватое зрелище представляют такие физиономии. У того, что валяется совсем рядом от моего сапога, полуоткрыт рот... Да нет, уже не рот, уже пасть — и набор изменившихся зубов заставляет отставить ногу подальше, хотя вроде бы точно упокоен этот недоморф.

И все вокруг — в катающихся под ногами с легким металлическим звуком гильзах, стены цехов — в густой сыпи пулевых сколов, на броне понуро стоящей брошенной техники тоже полно белесых пятнышек...

И мертвецы — слоем. Темным слоем на мутно белеющем небольшими кусками насте. Живых тут нет. Мы все же заглядываем в цех — и у самого входа я натываюсь на женщину со свернутой шеей. На вид она умерла пару дней назад. В голову приходят слова спасенного нами утром инженера, как живые ломали своим умершим шею, чтобы не дать им укусить себя... За оборудованием ни черта не видно, пол завален всяким хламом и трупами. Но все они уже окоченели, а мы решили на коротком совещании, что склоняться над каждым и проверять так, как это было принято раньше, не стоит. Потому проверка заключается в коротком тычке ботинком. И пока все тела — словно пинаешь деревьяху.

Хотя и знаю, что меня прикрывают, окружающая темнота давит на нервы. Подсознательно все время жду, что кто-нибудь мерзкий из этой темноты на нас прыгнет.

Пальба начинается неожиданно — в дальнем углу. Лупят вразнобой два пистолета.

Подбегаю туда вместе с пожилым седоватым сапером из приданных и парой водолазов из усиления.

Мертвец — грузная женщина — зацепился рваным пальто за какую-то деталь станка, двигается вяло, топчась на одном месте, и потому двое санинструкторов под прикрытием ребят из четвертой тройки стреляют в спокойной обстановке. И мажут. Причем оба. Раз за разом.

Убогое зрелище.

Только теперь понимаю, насколько ж эти неплохие ребята беззащитны и беспомощны.

Наконец, выстрелом десятым (с пяти-то метров) одному из стреляющих удается попасть в голову зомби. Та шумно валится навзничь.

Выбираемся из цеха удрученные. Получаем головомойку от Ильяса. Санинструктора получают двойную порцию — еще и за

перерасход боеприпасов. А потом сразу еще и третью — за то, что при проверке, с которой у командира не заржавело, у одного в пистолете магазин с парой патронов, а у другого с пятью.

— Эй, ребята, а я полковника нашел! — окликает нас паренек из третьей тройки.

Офицер лежит с намертво зажатом в кулаке пустым ПМ. Узнать его можно только по росту, мощной фигуре и погонам. Под подбородком отчетливо видна штанц-марка от ствола пистолета. Застрелился. Потому и обгрызли его так сильно. Только вот под челюстью зубами не дотянулись.

Свечу своим фонариком вокруг, но пропавшего симпатичного и толкового санинструктора, бывшего тенью у своего командира, не вижу. Тут вперемешку и мертвые люди, штатские и военные, и дохлые собаки. Залитые кровью, изрешеченные пулями. Упокоенные. Тяжелый запах крови, грязи и смрад дерьма и мочи из разверстого цеха.

Не могу побороть любопытство — и мы с несколькими парнями заглядываем в здание, где стоял до поры до времени, нам на беду, зомбячий засадный полк. Ничего интересного, кроме обглоданных костей и обгрызенных частей разрозненных скелетов — человеческих и собачьих... Зря совались. Но это мы считаем, что зря, у саперов другое мнение.

Уйти сразу не удастся — все трое саперов с колоссальным интересом осматривают рухнувшие ворота и места подрывов. Причем седоватый ухитряется залезть довольно высоко, двигаясь неожиданно проворно для своего возраста, и что-то там нашел интересное для себя. Вижу, что он показывает товарищам какие-то не то проволочки, не то тонкие детальки...

Ну хорошо хоть им польза какая-то: на территории завода, по предварительным данным, минимум еще в трех местах сидят такие же засадные полки, и черт их знает, сколько всего морфов и шустров. Ворота-то там подперли, но все равно разбираться надо.

Ребята уже собрали то, что получилось собрать, выдергивая автоматы из-под тел. Из бронетехники сформировали колонну — два БТР, две МТЛБ и одна БМП.

Еще одна БМП сдохла — завести не удалось, а БТР с работавшим все это время мотором остался без горючки. У нас с собой бочек не оказалось. Потому сняли, что не привинчено, в частности боезапас, и на всякий случай вывели из строя бортовое вооружение.

Медленно выкатываемся по расчищенной дороге.

Нормально управляются два БТР и Вовкина маталыга. Остальные две коробочки едут крайне неуверенно, и пешие стараются держаться от них подальше.

Ильяс нервничает — мое напоминание о необходимости осмотра других цехов встречает раздраженным бурчанием. Приходится надавить. Это раздражает его еще пуще.

— Фигня, Ильяс. Никому ничего мы не отдадим. То, что наше, — то наше, — нащупывает причину волнения Андрей, внимательно наблюдавший за нашей перепалкой.

— Ага! А увести как? Нет у нас водмехов. Так поставить — сопрут и фамилии не спросят. Тут всякие шляются.

— Упреют таскавши.

— Ну да, говори!.. С утра военные опять припрутся — им эти коробки запонадобятся. Хотя бы для охраны супермаркетов. Следовательно, хай будет. И что ты им скажешь?

— Утро вечера мудренее. Побросали технику, значит, пролюбили, — меланхолично, как и положено настоящему снайперу, отвечает Андрей.

— Не плюй в колодец, Андрюша, вылетит — не поймаешь. Они КАД контролируют, а нам там еще ездить придется, — огрызается Ильяс на слова коллеги.

— Знаешь, мне кажется, не о том переживать надо.

— А о чем? О мировой скорби? О том, что в две тысячи двенадцатом году астероид может прилететь?

— Выдохни! Сейчас технику подгоним к медпункту, оставим под присмотром наших, проверим пустые цеха. Дальше видно будет.

— А да ну тебя! Если прохлопаю сейчас трофеи — век себе не прощу. А уж Николаич тем более.

Тут новый командир прав на все сто. Заболевший Николаич будет поминать своему преемнику такой провал долго.

Пока наши разбираются с добытым трофеем, успеваю заскочить на кухню — опять повару что-то понадобилось, о чем сообщила все та же тощенькая девчонка, от которой уже густо пахнет соляжкой, видно, заняла место истопника. Ну да солярка — не ацетон, потерпим. Еще девчонка ухитрилась перемазаться сажей, но зато кожа порозовела, не такая восковая, как была совсем недавно, — подкормил повар помощницу.

— Я, собственно, хотел с вами посоветоваться, — начинает толстяк.

— Слушаю вас, — не менее политесно отвечаю я.

— У меня кончились консервы и манка. Принесли неболь-

шой мешок картошки. Варить просто картошку — смешно, очень уж мало. Чистить некому и нечем. Вы не могли бы сообщить командованию, что нужны продукты и, знаете, чтоб вас всякий раз не дергать, связь бы неплохо организовать.

— Хорошо, это сделаем.

Тут я вспоминаю рассказы нашего преподавателя, отработавшего лет тридцать в Заполярье, и предлагаю повару раздать картошку, чтоб особо настырные клиенты ели ее потихоньку сырьем — из расчета полкартофелины на нос в сутки.

— Как витамин С? — схватывает повар суть.

— В точку.

— И помогает? — интересуется повар.

— Наш преподаватель так успешно от цинги лечил.

— Хорошо, попробую, — усмехается печально толстяк.

— Ждете, что утром бедлам начнется?

— Да. Неясно, по какому пути эта публика пойдет.

— Да уж, путей много.

— Нет, тут вы неправы. Путей мало. Всего три.

— Мало?

— Конечно. Вот послушайте, это еще Гумилев написал.

И толстяк-повар с чувством декламирует стих весьма пессимистического настроения: и тот, кто созидает башню, погибнет, сорвавшись с верхотуры, и тот, кто разрушает, попадет под обвал плит, а тот, кто убежит искать тихое место, нарвется на хищную пантеру, и всей радости для людей — самому выбирать себе смерть. Не понимаю, к чему клонит толстяк, и прямо об этом говорю:

— Собственно, Гумилев тут только и сказал, что мы все умрем. И что дальше? Смысл-то декламировать?

— Смысл как раз глубокий. Человечество выживает уже много тысячелетий, и принципы выживания не изменились с древних времен. Три способа поведения для того, чтобы выжить.

— Не маловато получается — для всего-то человечества?

— В самый раз. Только три — и вы не сможете упомянуть четвертый.

— Тогда перечисляйте!

— Запросто. Первый — Конструктивный. Для выживания люди организуются в общество, создают себе защиту, обеспечивают себя продуктами, создавая их, созидают себе жилье, обеспечивая будущее своему потомству и давая себе спокой-

ную старость, завязывая торговые и родственные отношения с соседями.

— Ну предположим, — вынужденно соглашаюсь с очевидным я.

— Второй — Деструктивный. Создается банда для того, чтоб, не созидавая своего, отбирать чужое и жить за счет бедолаг, оказавшихся рядом.

— Так. А третий?

— Изоляционистский. Удрать подальше и жить отшельником. Выживать не в группе, а в одиночку.

— Это как Сергей Радонежский?

— Отнюдь, как говаривала незабвенная графиня. Он не выживал в отшельничестве, он веру искал. В смысле постигал Божий промысл и самосовершенствовался. Постиг — вышел к людям. Если уж вам так нужен живой пример, так больше подходит семейство Лыковых.

— Ну да, ну да... Живой пример тому — ныне покойный Иван Иванович...

— Вы можете добавить четвертый способ?

— Я должен подумать.

— Бьюсь о заклад — ничего нового не придумаете.

— Ладно. Пока больше голова болит, чтоб эвакуировать всех тяжелых... Да, и еда, конечно... Еда, вода...

Ботан-радист радуется: скоро придут еще группы, в том числе и из крепости. Наши обстоятельства сообщены, так что, возможно, и ремонтники будут, и водилы.

Ильяс точит, что две коробочки так и стоят брошенные. На его осунувшейся физиономии это как маркером написано.

— Ты пока тут побудь, мы все-таки железячки дернем, не могу, чтоб они там оставались, — бурчит Ильяс.

— А тут кто останется?

— Вот ты и останешься. Мы только часть народа возьмем. Давай действуй!

— Ильяс, зря ты это. Припрется кто — угонит отсюда уже наши железяки.

— Вот и охраняй. Бэтээр сейчас — акче!<sup>1</sup>

Мне не удастся выразить в звуке все свое неудовольствие, а наш батыр уже слинял на двух броневиках, забрав большую часть личного состава. И Филя урыл, и саперы. Прошу Сашу

---

<sup>1</sup> А к ч е — ценность, сокровище (татарск.). — Здесь и далее примеч. авт.

максимально приглядывать за стоящей техникой. Взять пару человек и приглядывать. Техника стоит сплошным черным массивом. Только антенны торчат сверху в посеревшем уже небе. Подобраться можно со всех сторон — тут эти железяки друг друга загораживают.

У нас так из охраняемого часовыми парка пропало несколько танковых катков. Все расположение обыскали — пропали катки. А ведь не иголка — каждый за сто кило весит... Блинчик зеленый. Потом на КПП девушка-пионервожатая пришла. У них был в школе сбор металлолома... Ну дальше понятно? Точно, пионеры ухитрились с ремонтируемых танков четыре катка увести. Как — одному богу известно. Семикласснички... И три километра до их школы — специально измерили — как-то перли. По тропинке. Над речным обрывом.

А тут, если проморгаем, кончиться все может куда хуже. Безапас-то в каждой машине.

Собираюсь позвать ближайший к нам патруль, но он отирается у кухонь — вроде и близко, да не очень. Второй пары вообще не видно.

— Скорее! Ты врач? Да? Скорее, там моя жена рожает!

Молодой парень, неприятно землистая кожа, глаза какие-то снулые. Но возбужден сильно. Жена рожает, это не фунт изюма, тем более в таких условиях.

Делаю, не подумав, вместе с ним несколько шагов, потом останавливаюсь, начинаю разворачиваться. Нужна горячая вода, теплое помещение, подмога. Куда это я поскакал?

— погоди, надо носилки взять, ребят еще — даже если рождает, в палатке с печкой это лучше де...

В голове грохает гулкий колокол, я как-то нелепо падаю, потеряв по дороге ориентацию в пространстве, и потому шмякаюсь, сбив дыхание. Что-то рвет у меня ухо.

— Эй, э... Что...

Еще раз гулко по башке. Уху больно очень, и голову крючит набок. И еще раз колокол...

Прихожу в себя с трудом, кто-то дергает меня за плечо. А я сижу в какой-то нелепой и неудобной позе. Руки подламываются, но я вроде ухитрюсь на них опираться. Меня кто-то ритмично и очень нежно трогает за кончик носа — быстрыми легкими касаниями.

Фокусирую глаза. Голова не моя. Руки вижу. Между ними серый грязный наст и по нему проявляются темные точки. До меня наконец доходит, что это такое. Капельки крови капаят

из носа — и словно кто-то тихонько трогает тебя за нос. Организм не может понять, что это из него утекает, не положено такому, вот нервы и сигналият, как умеют... Получается странно. Цвет крови на темно-сером какой-то неправильно веселенький...

Что это я опять отчебучил?

А вообще хрен его знает.

Кто-то подхватывает меня под руку, помогает встать. Ноги тоже не мои. Нет, так-то внешне — мои, в бахилах озкашных, не отказываюсь, и расположены правильно — правая — справа, левая — слева, только слушаются плохо. И голова не моя... Вокруг несколько человек, что-то спрашивают наперебой.

Наконец начинает доходить. А еще у меня нет сумки с медикаментами на боку. Башка гудит. А ухо болит. Трогаю — там мокро.

— Этот урод у тебя сумку сорвал! И по каске настучал. У него то ли фомка, то ли монтировка. У вас каска криво сидит! Да не слышит он вас! Ну давай, оклемывайся, Жеппа!

Ага, по последнему, что я выловил из кучи разноголосых реплик, — и братец тут.

— Куда он побежал?

— Не знаю. На вот тампон, прижми ухо, а то кровит.

— Я видела! За ним двое патрульных погнались.

— Знаете, мне бы присесть, а?

— Пошли в медпункт!

В медпункт — это я с радостью...

Ввалившись в палатку, стогнем дремавшего сидя мальчишску-санинструктора с его насеста. Это тот, который истерику закатил и был подвергнут рукоприкладству. А сидел он, оказывается, на сложенных стопкой касках. Вона как нашими трофеями распорядился.

Мы, копая немецкие окопы, однажды нашли стопку из составленных друг на друга восьми касок — пулеметчик на них сидел... Откуда он каски надыбал при том, что рядом ни одного шкелета не было (мы метров пятьдесят — шестьдесят по траншее все взрыли в полный профиль), — неведомо. Причем и каски были какие-то разношерстные по окрасу — и зимние, и летние... Почему ему ящики не подходили, а там в траншее и снаряженные, и минометные, и черт знает какие еще откопались. Тоже непонятно. Мы вот на этих касках пробовали сидеть — так задница устает быстро... На ящиках лучше.

Но ящиков у нас нет. Сажусь на теплые каски. Неудобно,

как в детстве, но очень приятно. С меня снимают мою собственную, хотят кинуть в сторону. Не, так дело не пойдет, меня сегодня шлем спас — следы от ударов четко видны на шаровой краске. От души сволочь бил. Ничего, я его рожу запомнил, свидимся еще.

Нос затыкают ватой, даже кто-то из особо умных рекомендует запрокинуть голову, но с этим советом тут же сам оказывается заткнутым. Сижу как положено — носом книзу. Братец своими клешнями вату прижал к уху, видно, пряжка от сумки зацепилась, вот и надорвало ухо-то. Ладно, сейчас кровь свернется, можно будет действовать дальше.

— Это уже совсем дело дрянь, — громко заявляет братец.

— Вы о чем? — удивляется светленькая толстушка-медсестричка из приданных.

— Да о том! Вон старшенькому по голове настучали, звон был как в Ростове Великом при большом церковном празднике. Мы тут сидим на птичьих правах. Дальше что? Мне тут не-симпатично. Причем — ни разу!

— Давай на правах подлекаря, братец, связывайся со штабом. И это... радиста спроси. Наши еще будут когда. Вроде из крепости должны были прибыть. — У меня как бы в ушах уже не так шумит, начинаю распоряжаться.

Разбудили титаническими усилиями санинструкторов. Организовали два своих патруля. Ботан порадовал — уже сейчас наши прибывают, вот-вот, можно сказать. Наконец и Ильяс вернулся и очень удивился — ботан сгоряча ляпнул, что врача убили до смерти.

А тревога не проходит.

— Ярый!<sup>1</sup> — говорит Ильяс. Нет, он, конечно, рад, что я живой, но вот коробочки оставшиеся ему покоя никак не дают. И факт — он их там не оставит.

Но что хорошо — убывает багатур в этот раз с половиной людей и на одном БТР.

Как только уехал, приваливает куча народа. Наши! Сроду бы не поверил, что серенькая невзрачная физиономия нашего начвора доставит мне такую радость. Начвор крутит носом — не доперло им бахилы взять, явно вляпались по дороге в отходы жизнедеятельности.

— И как вы тут? — деловито спрашивает начвор.

— Ценю, что начали не с сурового «доложите обстановку», а

---

<sup>1</sup> Я р ы й — ладно (*татарск.*).



так вообще-то плохо. Ситуация непонятная. Армеуты прислали всякого добра по принципу «на тебе небоже, шо мини не гоже». Всего не хватает. Публика после освобождения попадала кто где, дрыхнет, после трех дней стояния на ногах в запертых цехах. Порядка нет — на меня вот какой-то ублюдок напал, наступал по голове, сумку спер.

— Сколько здесь освобожденных? — Начальник службы вооружения Петропавловской крепости направляет поток моей болтовни в русло.

— Несколькими тысячами, точно никто не скажет.

— Их как-то регистрируют? — удивляется собеседник.

— Не видел. Да и некому. Пока жратва была — кормили, теперь кипятком раздаем. На том конце вроде еще кухни были, не ходил.

— Ситуацию то есть не контролируете? — шуруется начвор.

— Вот до кухни и у палаток — более-менее. Да еще есть патрули и часовые выставлены вроде. Внутри — хрен его разберет.

— А это у вас тут что? — интересуется гость.

— Пародия на медпункт. В барачной палатке полсотни тяжелобольных, да, по-моему, пара сотен просто в тепло спать набились. Помощь мы оказали почти полутора сотни обратившихся, — говорю ему чистую правду.

— Обратившихся? — всерьез удивляется собеседник.

— За медпомощью обратившихся, — поправляюсь я.

— Зомбаки шляются?

— Шляются. Но мало. Хуже — тут мины попадают.

— Уже были пострадавшие?

— Пока нет. Надеюсь, что и дальше так будет, — отвечаю ему.

— А почему пока? — невесело хмыкает начвор.

— Утром начнут ползать, обязательно кто-нибудь напорется...

— Из тех, кто тут командовал, этих людоедов... кого-либо живьем взяли?

— Да был язык. Тут вроде ваши коллеги работают. Допрашивали при мне.

— Так, а что за техника здесь стоит?

— Из армейской бронегруппы. Экипажи накрылись при атаке шустеров, а мы ее бесхозную прибрали. Когда цеха осматривали на предмет сбора пострадавших. Ну вам рассказывали, наверно?

— Да, в курсе. Штаб в этом кефирном заведении где? Нет,

рассказывать не надо — на схеме покажите. Да, и кстати. Эти беженцы, которых мы сейчас видели у кухонь, почему не спят? — хмуро уточняет он.

— Мы напрягли нескольких мужиков помогать. А экземпляр схемы есть для нас?

— Для вас — нет. Сидите тут при медпункте. Для того, кто Николаича заменил, привезли. Ладно. Вы помогалам этим своим что-нибудь обещали?

— Нет. Просто приказал таскать воду.

— Еще такие помощники есть? — явно ведя разговор к концу, спрашивает начвор.

— Ну да. Инженер Севастьянов — он отсюда сбежал, был потом проводником, правда не в нашей группе.

Показываю начвору, где штаб, куда поехал Ильяс и где надо будет обеспечить санитарный поиск. Кивает, потом быстро сваливает, прихватив не что-нибудь, а БМП.

Больные перестают прибывать. Ну да — собачий час. Всех разморило.

Даже у кухонь притихло. Но неугомонный повар о чем-то говорит тем, кто помогает ему в работе. Когда подхожу, слышу, как повар постоянно и очень убедительно, даже завораживающе все время говорит что-то.

Прислушиваюсь — и меня охватывает ощущение сюрреализма происходящего.

— ...Экспедиция адмирала Норриса в Балтийское море, русско-английская война тысяча семьсот девятнадцатого — тысяча семьсот двадцать первого годов, например. Высадившись десантом на остров Нарген, британцы сожгли у нас избу и баню... Петр Первый милостиво согласился компенсировать владельцам за свой счет стоимость избы, а Меншиков компенсировал стоимость бани. Еще англичане безмолвными наблюдателями смотрели, как под Гренгамом русские галеры методично и спокойно вырезают «на шпагу» команду четырех шведских фрегатов. Сами же не вмешались: дескать, мелко больно и фарватера не знаем. Так что шведам они тоже были хорошими союзниками.

Следующая англо-русская заваруха — тысяча восемьсот первый год. Адмирал Нельсон (тот самый), спалив к такой-то матери Кобенхавн (Копенгаген), кстати без объявления войны, попер на Талли-инн. Но тут обошлось — в Питере Павел Первый помер от апоплексического удара табакеркой в висок и замирились.

Зато в тысяча восемьсот седьмом — тысяча восемьсот двенадцатом годах Россия воевала с Англией не на шутку — тут тебе и морские бои были, и попытки англичан «парализовать русскую торговлю и рыболовство», что греха таить, воевали мы в ту войнушку не слишком весело — на Балтике потеряли семидесятичетырехпушечный «Всеволод» (дрались, правда, до конца, выжило только пятьдесят шесть русских моряков; что «Всеволод» сдался, мол, — лжа британская наглая, флага они предъявить не смогли), погиб в бою и девятнадцатипушечник «Опыт».

Хотя бы про Крымскую войну вы знаете? И про содействие Британии инсurreкции в Польше? А про дело шхуны «Виксен», везшей оружие чеченам? Англия самый ГОВНИСТЫЙ противник России девятнадцатого века. И весь девятнадцатый век они нас в общем-то не любили, ажно кушать не могли. С кратким перерывом на тысяча восемьсот двенадцатый — тысяча восемьсот четырнадцатый годы, даже не в тысяча восемьсот пятнадцатом году, уже тогда Веллингтон начал взбухать и гадить...

— Но ведь дрались же с общим врагом! — возражает истопник, копающийся у форсунок. (А, вот кому это все говорится, я-то уж подумал, что повар с ума сошел. Они, оказываются, диспут ведут на исторические темы, железные люди в расчете кухни.)

— Да уж — сражались с общим врагом... То ли как генерал Вильсон под Бородино, который настаивал, чтобы Кутузов дал Наполеону «во имя интересов человечества» бой под стенами Москвы и положил всю армию; то как в Первую мировую, когда чуть у инглизов на Сомме запарка — давай русский Иван, наступай в болота Польши, выручай союзничков; то ли как в Великую Отечественную, когда британцы не пожалели лишних канадцев и высадили их без поддержки под Дьеппом, чтобы, мол, обозначить активность в Европе перед маршалом Сталиным в тысяча девятьсот сорок втором году.

— Так, но все равно же союзник, Федор Викторович!

— АТЛИЧНЫЙ союзник. С таким даже врагов не надо... А еще какой блестящий нейтралитет в тысяча девятьсот четвертом — тысяча девятьсот пятом годах, когда японским макакам в Сити аплодировали стоя («Победу под Цусимой над царской Россией одержал, джентльмены, не японский флот, а наш флот, во имя наших интересов в Китае...»). Доаплодировались ажно до Сингапура с речкой Квай. Или как инглизы в тысяча

девятьсот девятнадцатом году под Архангельском с мониторов деревни газом травили, напомнить? Союзники, млин, братья по оружию.

Простых англичан сие не касается, те и правда были союзниками. А вот «истеблишмент», чертей им триста во все карманы, редкостные мерзавцы. Так, готово, сварилась манка, давайте. Разливаем!

Саперы и водолазы выручают — взяли на себя охрану медпункта, да и техники. Остальных, пока есть передышка, я отпустил дрыхать по машинам. Из прибывших с начвором пара человек остались с нами, вместе с саперами посматривают за порядком. Саша после нападения заявил, что шага от меня не делает, да и братец еще не спит. Ну, братец всегда удивлял: может пару суток не спать без особых проблем, зато потом сутки дрыхнет, и хоть его за ногу таскай — не проснется.

— Ты как думаешь, минно-взрывные травмы будут утром? — спрашивает меня братец, раскуривая свою роскошную трубку.

— Будут, — отвечаю я, нюхая ароматный дым.

— На сколько ставишь?

— Ну две.

— А я думаю — одна. До полудня.

— Охота вам такое говорить, беду накличете, — осторожно замечает Саша.

— При чем тут накличете? Это статистика. Положено было в год угробиться тридцати тысячам на дорогах в автоавариях — и гробились. И беду накликывало не то, что об этом говорили, а совсем другое — купленные права, безголовость и хреновые дороги все с теми же дураками...

— И все равно, не буди лихо... Давайте тему сменим, а? Вот раз уж не спим — почему человеку с дыркой в пузе нельзя давать пить? — сворачивает тему Саша, видимо, думая об истопнике с прободной язвой.

— Ну это ж все знают! — удивляется братец.

— Этот из патруля не знал явно.

— Да тут все просто, — как всегда очень издалека и подробно начинаю я вразумление. — Пищеварительная система — она для чего? Для пище-варения. Все, что человек слопал и выпил — перерабатывается, пере-варивается. Потому там и щелочь, и кислота, и куча весьма злобных ферментов, чтоб, например, то же мясо разобрать на фрагменты. Пищеварительная

система как трубка. Изнутри выстлана специальным защитным слоем и потому готова ко всем этим кислотам — ферментам. А вот снаружи защиты такой нет. Сравнение дырки в желудке или кишечнике простое — картина пробоя в фановой трубе, по которой в кухне вся канализация протекает. Пока вся канализация внутри трубы — в кухне чисто и приятно. А как лопнула труба...

— Так вся кухня и вообще квартира в говнище по колено. — Братец, видимо, решил, что у малоопытного Саши не хватает воображения.

— Потому если пациенту с дырой в желудке или кишечнике дать еще попить...

— То в кухне и квартире говнища прибавится и будет не по колено, а по пояс, — все так же деликатно заканчивает лекцию мой братец.

— Так ведь хирург потом все равно все промывает и чистит, — не успокаивается Саша.

— Ну а разница не видна между подтереть тряпочкой лужу на кухне или вычерпывать говны по всей квартире? Стоя в них по пояс? Ущерб где больше?

От продолжения лекции отвлекает прибытие какого-то агрегата. Оказывается, Ильяс приволок на буксире БТР без горючки. Узнает о прибытии начвора и сразу скучнеет:

— Ясно. Будут из нас амебу делать!

— В плане давайте ребята делиться?

— Ага. Хапкидо — искусство хватать и кидать.

— Ну так нам все равно не утащить с собой все. Даже вести всю технику некому.

— Э, что с тобой говорить! Раздать все и босым в степи, так, что ли?

— Нет, я такого не говорил. Просто ты вполне можешь выторговать взамен и нам что полезное...

— Говори, говори, льстун... Ладно, поедем БМП притащим. К слову — рад, что ты жив остался.

Ишь как!

Время ползет.

Мужики зацепились языками и, как обычно бывает среди мужиков, оставшихся без присмотра начальства или женщин, что, впрочем, идентично, медленно скатываются в чисто мальчишеские споры. Сейчас бурно обсуждается, сколько техники угробили салобоны в армии.

Краем уха слушаю, как Саша рассказывает о своем друге,

проходившем службу в эстонской армии. Откуда-то для обучения салобонов с консервации НАТО поставили какие-то бельгийские грузовички тысяча девятьсот пятьдесят первого года выпуска — с кривыми стартерами и тремя скоростями, включая заднюю. И как brave эстонские парни в сжатые сроки превратили бельгийскую технику в хлам.

Тут оказывается, что у каждого есть что сказать на эту тему, и выходит в итоге — никакой противник не угробит столько техники, сколько ее смогут наломать салобоны, сынки, нучки, тупые уроды и малограмотные неуки. И это — интернационально.

Масла в огонь подливает братец. Сначала он привлекает всеобщее внимание тем, что неторопливо достает офигенно элегантную трубку, кiset с табаком, размеренно и обстоятельно набивает табак, поджигает его и, пыхнув ароматным дымом, с достоинством говорит:

— Некоторую технику и ломать не надо. Она изначально плохая.

Проводив глазами клуб дыма, вижу, что на эту провокацию купились.

— И какая ж техника в армии плоха? — спрашивает Вовка.

— Ее ж проверяют долго, — поддерживает его и Саша.

Я отлично вижу, что братец валяет Ваньку: именно когда он начинает разыгрывать окружающих, его манеры приобретают верблюжье высокомерие, а речь — некоторую вальяжную замедленность с толикой так бесящего людей менторства.

— Например, никудышными были плавающие танки Т-37 и Т-38.

Братец опять величаво пускает клуб дыма.

С трудом удерживаюсь, чтоб не съехидничать на тему того, что убогий из него Гэндальф — дымит, дымит, а колечки так и не получают.

Вовка поднимает брошенную перчатку:

— Так и чем же эти танки были изначально плохи?

— А всем. Никудышное бронирование, никакое вооружение, жидкая грузоподъемность, убогая проходимость и далее по списку, кончая дальностью хода и надежностью механики. Даже внешний вид убудский, жаль не могу сейчас сводить показать.

— О! А вы их где живьем видали?

— Музей прорыва блокады Ленинграда в Кировске — там

танки стоят, что из Невы достали. Ну и Т-38 тоже. Убогость на гусеницах!

(Ну сел братец на конька! Не пойму с чего, а нравятся ему нелепые мелкие бронированные тварюшки. Даже когда клеил модельки танчиков, выбирал почему-то не «тигры», а самые что ни на есть легкие танкетки вроде Т-1. С обсуждаемыми же машинками связан один сильный провал, в котором и братец поучаствовал, — нашли в лесу пару битых Т-38. Самое грустное, что из двух можно было с некоторой натяжкой собрать один на ходу. Но пока пудрились-румянились, сваты уехали к другой — местные сдали технику на металлолом и радостно пропили деньги. Второй такой провал по нелепости был у моего одноклассника — нашли амерский танк, лендлизовский, очень редкий. Пока собирали деньги и готовили вывоз, местные ухари добыли тол и долбанули под брюшком машинки, чтоб по кускам из чащобы таскать. Ну и перестарались, мудозвоны. Когда наконец оснащенная экспедиция прибыла на место, увидели здоровенную воронку в мерзлом грунте, выбритую вокруг растительность и мелкие фрагменты заморского железа, раскиданные мало не на полкилометра... Хоть в авоську собирай...)

— Да? Живой Т-38 и в свободном допуске?

— Ага. Потому смело говорю, что сам руками трогал. Говномашина, а кто принял на вооружение и наплющил несколько тысяч такой фигни — идиоты. Летний пробег тысяча девятьсот тридцать седьмого года при температуре окружающего воздуха двадцать семь градусов по Цельсию — половина машин вышла из строя от перегрева мотора и потребовала его замены. Удельная мощность не для эксплуатации Т-38 вне дорог — недостаточная проходимость по пересеченной местности, а гусеницы часто спадали на поворотах. Подвеска — неудовлетворительная, а значит, невозможно эксплуатировать Т-38 на грунтах со слабой несущей способностью. Для успешного выхода Т-38 на сушу требовался очень отлогий галечный пляж с твердым основанием — на песчаном или глинистом берегу танк застревал. Итогом стало объявление Т-38 небоеспособным и ограничение его приемки уже осенью тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Тем не менее танк оставался на вооружении. И зачем?

— И в боевых операциях они тоже были убогие, — подхватывает Саша.

— Точно! Впервые Т-38 пошли в ходе польской кампании тысяча девятьсот тридцать девятого года. Спротивление поляков было убогим, и потерь танки не имели. Когда плавающие

танки применялись в Зимней войне, сначала, до замерзания водоемов, были успешные случаи использования плавающих танков для форсирования водных преград. С одной стороны, отмечалась плохая проходимость танка, особенно по глубокому снегу, маломощность и слабое вооружение машины, тонкая броня, не спасавшая танки от огня не только артиллерии, но и противотанковых ружей, с другой — где у финнов не было ПТО и местность позволяла, легкие танки действовали достаточно эффективно, «цементируя» боевые порядки пехотных подразделений. Основные потери дали подрывы на минах: танк не держал взрывы даже противопехотных мин.

— То есть танк так плох, что лучше на бревне через речку, чем на этой железяке?

— Ага. В ряде случаев так. — И братец задумчиво выпускает наконец клуб дыма, отдаленно напоминающий колечко.

— Да ну... Хотя и несерьезная машина, но все же самоездящая, и пулемет лучше, чем ничего, — вступается Вовка, который вообще-то не прочь пообсуждать всякое железо, но не любит, когда всякие там гуманитарии лезут в область механических устройств, где этим гуманитариям вообще нечего делать.

— Ты сейчас такую железяку стал бы водить?

— А чего и нет? Не графья, не в театре. Если выбирать между ногами и колесами, то лучше плохо ехать, чем хорошо топать.

Начвор, чуть подумав, выдает:

— Машина принята на вооружение, поставлена в армию в очень значительных количествах. Эффект от ее боевого применения неудовлетворительный, это да. Так ведь это другое дело. Совсем другое дело. Предлагаю не вешать лапшу на уши отнюдь не мне, а себе. Не бросаться словами типа «небоееспособный», а думать. Я вот не оперирую практически чужими оценками. У меня своих полно. А у кого своих нет, тому вовсе не надо широко банчить чужими и вообще воздерживаться. Быть осторожным, идти, как по болоту. И больше уделять внимания общим вопросам. Там труднее запутаться без специальных знаний и личного опыта. И, конечно, не тупить до такой степени, что танк плохой. Я лучше на бревне с пулеметом поплыву.

— Э, минуточку! И в чем же польза от этих железячек? Вы же признали — применение в боевых условиях неудовлетворительное.

Во, уже и водолазы в разговор вступили. Чувствую, что сейчас братец поставит дымовую завесу и спокойно станет со сто-



роны смотреть, как народ сцепится в клубок. Видал я уже такое, умеет. Отработал.

— Польза в том, что был получен уникальный опыт.

— Уникальный в том, что сделали кучу никчемного говна? — Во, младший из саперов влился.

— Представьте себе такой гипотетический справочник с миллионом вопросов-ответов по теме, что на войне экономить, а чего не жалеть, когда плохое лучше хорошего, и так далее. И все научно обосновано и проверено обширной практикой. Такая книжка и есть секрет непобедимости. Особенно ценны наименее очевидные решения. Когда кажется, что несомненно надо вот так, а на самом деле надо наоборот. Этот опыт — главное богатство и сила нашей военной машины. Можно вконец развратить армию, попилить танки-ракеты, но потом все опять возродится лучше прежнего. Искоренить этот опыт или пересадить его на чуждую почву чрезвычайно сложно. Китайцы добросовестно пытаются нам подражать, но получается у них пока не очень. Однако идея правильная, — вразумляет начвор.

— И при чем тут Т-38? Да и если шире глянуть: те же легкие танки в ту войну практически все — говно говном! Не зря же от них отказались! А ты тут про справочник! Все ж знают, что Т-34 лучше их всех был.

— Т-34, конечно, лучше справится, да не напасешься их. Легкие танки тут как бы эрзац, но во многих случаях задача как раз по ним. И они давали массу подвижных средств, от которых немцам приходилось отбиваться. И вот посмотри на причудливые зигзаги истории. Она в итоге приехала к БМП. Тогдашний легкий танк можно рассматривать как неполноценный заменитель БМП, который еще не умеет возить внутри десант и не умеет плавать. Но на него можно кое-что навьючить, чтоб бойцам меньше на горбу переть. Он может быстро менять позиции. И еще неизвестно, что хуже — что десант внутри не возит или что не плавает. Форсирование водных преград — одно из самых кровавых занятий. А русские плацдармы — один из главных кошмаров немцев. Их командование требовало от своих подразделений идти даже в самоубийственные контратаки ничтожными наличными силами, чтобы эти плацдармы ликвидировать как можно быстрее или хотя бы не дать их спокойно расширять и укреплять. Потому что через несколько часов, а не дай бог через сутки, это будет уже глобальный гимор. Даже если оставить пока в стороне плавающую технику, то видно, что в

этом деле очень важно железо, которое занимает позиции не там, где удобно ездить, а там, где нужно. Вот матальгу изначально придумали, чтоб она могла батареи затаскивать в любую срань, лишь бы позиции для стрельбы получше оказались. Это все очень важные вещи. Вот мне дискуссия про Т-38 напомнила такую же про БМП. Дело было в шестидесятых годах где-то. На Западе военная мысль была фонтаном, а у нас все просто сделали. Тогда они стали выискивать недостатки у нашей, но своей так и не имели. И долго еще не имели. Потом сделали своих уродцев, которые не плавают. Хотя сами изначально считали, что плавать должны. А у нас сформулировали концепцию и под нее машины. И массовую систему подготовки людей. И вооружением занимались очень серьезно. А ноги-то растут из взаимодействия пехоты с теми ублюдочными танками. Опыт собирался и обобщался. Просто не публиковался.

— Вот-вот. Не опубликовывался! Потому как отрицательный!

— Сравниваем нашу технику и зарубежную. Без Т-38 не было бы и современной. А на Западе так и не научились подобное делать. И опыт по эксплуатации этих малявок — он действительно бесценный. Другое дело, учить надо было серьезнее, а это тогда никак не получалось.

— То есть гнешь к тому, о чем раньше говорили, как тут расцелись? Что неопытный салага любую технику опояшет ломом?

— Я о том и говорил. Низкая надежность тогдашних машин (всех, а не только этих) отпугивала малограмотных людей. Водителей с хорошими навыками было мало. Это сейчас почти все на чем-то ездят смолоду. Тем людям, которые хаяли поплавки, если выдать «тигры», они бы их точно так же грязью поливали и бросали при отступлении. Ибо ломались на каждом шагу. Сам я имею богатейший опыт езды на неисправных машинах.

— Это сколько же?

— Специально не считал, но если вместе с колесными, то не один раз вокруг Земли объехал. Гусеницы слетают у раздолбаев, которые не хотят или не умеют пощадить слабоватую гусеницу. «Абрамс», например, нельзя водить как нормальный танк, он быстро разуется. То же и про перегрев двигателей. То же и про поломки трансмиссии КВ. Совершенствование техники идет по пути устранения этих слабых мест. В данный момент мы в этом сильно преуспели в отличие от американцев. Но тогда все только начиналось. Большинство критических замечаний к

тем машинам является или формально-бюрократическими или откровенно идиотскими.

— Это какие, к примеру, а?

— К примеру? Невозможность переправлять на них дополнительных бойцов с вооружением. Это очень маленькая машина с минимальным запасом плавучести и устойчивости. Два здоровых лба перевернут ее легче, чем казанку. А вот самопрокидывание при резких маневрах — это из грязного пальца высосано. Нормальные водилы фактически в шторм на ней переплывали большие расстояния. А требовать, чтоб любой неумеха мог водить гусеничную технику, плавать на ней и выходить из воды, — это абсурд. Этому надо учить. Очень серьезно учить! А тогда еще нормальной школы не было. Тогда и другой техникой люди в массе плохо умели пользоваться. Все еще было впереди. Кстати, ссылок на позитивные отзывы с подробностями нет и не будет. Они хранятся под замком. Можно об этом догадаться и самостоятельно вообще-то. Сейчас на дворе двадцать первый век. Большинство государств на планете не имеют ни такой техники, ни тем более опыта массовой эксплуатации.

— Да сейчас уже все рассекречено! Нет таких данных! — горячится конопатый водолаз.

Не могу удержаться и влезаю:

— Знакомые архивисты рассказали — в Англии в очередной раз засекречены все данные по хозяйственной деятельности армии.

— Так это нормально! — откликается конопатый.

— Ну если не считать, что это данные по армии в Крымской войне. Тысяча восемьсот пятьдесят четвертый — тысяча восемьсот пятьдесят пятый годы, соответственно, — выкладываю ему убойный козырь.

— Серьезно? — очень удивляется он.

— Отвечаю!

— Да что там секретить-то? — еще больше удивляется водолаз.

— Ну а чего секретного в миссии Гесса?<sup>1</sup>

— Гесс был сумасшедший!

— Ага. Совершенно. Потому все засекретили и хрен рассек-

---

<sup>1</sup> 10 мая 1941 г. заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс совершил перелет в Великобританию, с которой Германия воевала с 1939 г., и предложил англичанам заключить мир и совместно воевать против СССР. Немцы утверждали, что Гесс сделал это по своей инициативе и тайно от высшего руководства рейха, поскольку сошел с ума.

ретья. Это ж токо у нас злые архивисты с собаками, за рубежом-то все нараспашку... — ехидничаю в ответ.

Ну все! Спор покотился как лавина с горы.

Подзываю братца.

Вылив еще масла в огонек, он подходит к нам.

— Откуда у тебя трубка-то?

— Подарили хорошие люди. И мешок отличного табака.

— Как говорила наша бабушка: «Надолго псу красное яйцо!» Ты же ее сломаешь, у тебя же трубки живут месяц.

(Любая техника, да и вообще вещи в руках братца гибнут быстро и бесславно, причем он вроде и не прикладывает к этому особых усилий — само ломается. Вот трубки он несколько раз себе заводил, ан и они долго не служили, хотя вроде б и не техника.)

— Ага. Мне подарили два десятка. Когда кончатся, обещали еще подбросить.

— Понимают толк. Ну а за что? — хмыкаю я.

— За безукоризненную помощь следствию, — не моргнув глазом парирует братец.

— Ясно. С чего ты про танки-то завел волынку?

— Вижу, людям скучно, грустно и даже, не побоюсь этого слова, тошно. Надо было поднять настроение хорошей сварой. И о чем прикажешь спорить? При наличии всего этого паскудства вокруг о сиськах и девках говорить кощунственно, про зомби — глупо, про футбол — так это для мазохистов-извращенцев... Остаются танки. Любят мужики обсуждать большие и тяжелые игрушки. Но в тех же джипах понимают немногие, а в танках — ну просто все... Она как разогрелись-то! — с удовлетворением мастера, любующегося на отлично сделанную работу, отмечает братец.

Развозит еще пуще. Но если прикемарить — потом долго в себя не придешь. Потому как усталость тяжелая. Давящая. Это когда на машине катишь и дрема нападает, то вполне двадцати минут вздремнуть хватит. Зато когда все тело устало, а не только мозг, тут минутами не обойдешься. Меньше четырех часов спать без толку, только хуже будет. К тому же время гадкое: если на нас кто нападет, то скорее всего сейчас.

На воздухе становится и впрямь легче.

Начинаем обход и тут же сталкиваемся с нашими — пара саперов задерживают смутно знакомых мужиков. Двое тащат третьего, и в этом волочаемся я с мерзкой радостью узнаю «мужа рожающей женщины».

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### ОРУЖИЕ

Огнестрельное оружие использует давление пороховых газов для выталкивания пули из трубки-ствола. Сейчас является самым мощным и распространенным. Образцы этого оружия отличаются друг от друга по многим признакам, но в первую очередь необходимо сказать об автоматическом (когда выстрел за выстрелом следует благодаря механике и использует энергию отдачи или пороховых газов) и неавтоматическом (когда для следующего выстрела стрелок должен выполнить своими руками ряд манипуляций). Также следует сказать, что оружие делится по калибрам (диаметр пули — чем больше диаметр, тем оружие убийнее) и по длине ствола-трубки (чем ствол длиннее, тем дальше летит пуля).

Основные классы огнестрельного оружия:

— пистолеты и револьверы, которые можно носить в кармане, потому как они имеют самый короткий ствол; это самое слабое оружие, зато компактное;

— пистолеты-пулеметы; это увеличенные пистолеты, которые могут стрелять очередями;

— винтовки; они длинноствольные и потому очень дальноточные и мощные;

— пулеметы; это агрегаты, которые стреляют очередями.

Сейчас еще появился срединный класс между короткоствольными пистолетами-пулеметами и длинноствольными винтовками. Слабенький пистолетный патрон скрестили с мощным винтовочным, получив промежуточный. Вот под такой патрон созданы автоматы — среднее между пистолетом-пулеметом и винтовкой.

«Агран» — пистолет-пулемет; хорватская самоделка — пре-

тенциозная, но убогая в работе и ненадежная в бою. Более точное название «Аграм-2000».

*АК* — автомат Калашникова. В годы Великой Отечественной войны умным людям стало ясно, что имеющийся в наличии винтовочный патрон — избыточно мощный, нет смысла стрелять на два километра, все равно не попадешь. Имевшийся пистолетный патрон, всюю пользующийся в пистолетах-пулеметах, наоборот, слабоват, не достанешь им на триста — четыреста метров. Одновременно в Германии и СССР начались работы по созданию «промежуточного» патрона — среднего между винтовочным и пистолетным. Немцы создали такой патрон первыми и выпустили под него «штурмгевер» и «фольксгевер». Но это рейху уже не помогло. Наши завершили работу попозже, зато сразу выпустили несколько различных образцов оружия под этот патрон. Автомат Калашникова можно скромно назвать великолепным автоматом, безукоризненным оружием.

*АКМ* — автомат Калашникова модернизированный. Смотрится чуть современнее, чем АК; добавлен компенсатор, уменьшающий увод ствола в сторону при стрельбе очередями, добавлены некоторые другие усовершенствования. Заменен АК-74 под другой патрон.

*АКМС* — это АКМ, у которого приклад складной; он меньше по габаритам и потому шел на вооружение десантников и танкистов.

*АКС-74* — автомат Калашникова с более удобным и прочным складным на левую сторону металлическим прикладом рамочного типа.

*АКС-74У* — очень сильно укороченный уже укороченный АКС-74 под новый патрон 5,45 мм. Удобен тем, что пользуется стандартный автоматный патрон, мал размерами, может разместиться не только в танке, но и в более тесной кабине вертолета, самолета или в машине. Недостатки — здоровенный лисий хвост огня при стрельбе, быстро перегревается.

«*Арисака*» — японская пехотная винтовка, названная в честь генерала, руководившего работой над новым оружием.

Вместе с примкнутым пугающей длины штыком зачастую получалась длиннее японского солдата. А вот патрон слабоват оказался.

«*Борз*» — горделивая попытка самопровозглашенной Ичкерии показать свой потенциал, создав собственный пистолет-пулемет. Пожалуй, худший по всем показателям пистолет-пулемет на данное время, никудышное недооружие.

«*Бреда*», «*дрейзе*», *БРЭН*, *БАР* и *ЧеЗет* — марки старых ручных пулеметов времен Великой Отечественной войны.

«*Вал*» — бесшумный автомат, 9 мм.

*Винтовка Мосина* — наша легендарная трехлинейка. По боевым качествам соответствовала немецкой Маузера, но была проще и технологичнее (что означает: дешевле и быстрее могла быть сделана не слишком квалифицированным рабочим). Основное оружие русской и советской армии на протяжении полувека.

«*Винторез*» — бесшумная самозарядная винтовка, 9 мм.

*ВПО-205-1 ВЕПРЬ 12* — гладкоствольное самозарядное мощное оружие на базе калашниковского; в отличие от «сайги» основой послужил РПК, что и заметно с первого взгляда. Внушает уважение. Грозный видом, несколько даже кинематографичный из-за тактической рукоятки, непривычного складного приклада, различных планок для крепления фонарика, ЛЦУ и так далее, да еще и с пламегасителем. Большая, страшная машина. Еще и громоздкий изрядно.

«*Глок*» — семейство пистолетов, особенностью которых является обилие полимера в конструкции. Потому они легче цельнометаллических. Зато и попытки сушить пистолеты Глока в микроволновке дают страшные результаты. Названы по фамилии основателя этой австрийской фирмы.

«*Гном*» (ОЦ-20) — тяжелый револьвер для МВД под ружейный патрон 32-го калибра.

«Гочкисс 1914» — станковый пулемет французского производства. Митральеза по-ихнему. Задача станкового пулемета — создать ураган огня, засыпать противника роем пуль, чтоб не то что атаковать, а головы не поднять было. Станковый пулемет предназначен для долгой и почти непрерывной стрельбы. Зато его не потаскаешь, как ручной пулемет, поскольку весит машинка изрядно, а еще и станок, а еще и боеприпасы. Ситуации, когда пулеметчик за день расстреливал несколько тысяч патронов, были нередки. И в пулеметных гнездах слой гильз в полметра — не редкость, при том что вообще-то стреляные гильзы собирали и отправляли в тыл на переплавку.

*Д-30* — просто хорошая гаубица калибром 122 мм. Интересна тем, что при разворачивании получает возможность стрелять на все 360°, что отличает ее в лучшую сторону.

«Дезерт Игл» — громадный, любимый в Голливуде за страховидность и размеры пистолет. Сугубо спортивная машина с малой емкостью магазина, чересчур тяжелая для военного применения. Изрядно точен, мощный, солидный.

*ДП («Дегтярев» пехотный)* — ручной пулемет, отличающийся от не ручных, совсем диких станковых тем, что был гораздо легче и позволял вести огонь и с ходу, с рук. Тяжеловат был сам по себе его дисковый магазин, зато в него влезало под полста патронов. Мощное, простое, удачное оружие.

*ИЖ-18* — однозарядное, соответственно, и одноствольное охотничье ружье. Именно поэтому очень простое, очень легкое и надежное. Самое дешевое и потому широко распространено.

*К-96 Маузер* — длинноствольный и потому изрядно дальнобойный среди пистолетов агрегат. Дальность нормальной работы аж сто метров. Пистолет, к которому оригинально сделанная деревянная кобура могла быть пристегнута, отчего становилась прикладом, а пистолет — легким карабином. Тот самый «товарищ маузер», если кто помнит. Был архаичен уже в конце Первой мировой... Но использовался очень и очень долго.

*К-98 Маузер* — не пистолет, а уже винтовка, если совсем точ-



но — карабин, то есть укороченная винтовка. Длинный ствол, мощный винтовочный патрон, и достать врага можно издалека. Удачная система, производилась в разных модификациях во многих странах и очень долго. Основное оружие пехоты Третьего рейха.

*Карабин Лебеля* — стоял на вооружении армии Франции. Впрочем, медик может и ошибаться, называя карабином Лебеля карабин Бертье, тем более что они все под патрон, разработанный Лебелем, и внешне похожи. А если учесть, что потом Бертье и Лебель совместно сделали еще один карабин, да в придачу еще и модификаций было несколько, то вообще не разобираться...

«*Кедр*» (конструкция Евгения Драгунова) — компактный, легкий и удобный пистолет-пулемет для сотрудников МВД. Используется широко, нареканий нет. На этот пистолет-пулемет можно установить глушитель и ЛЦУ, что делает машинку весьма годной для стрельбы в помещениях — не понадобится после стрельбы свои уши с пола подбирать.

«*Кипарис*» — пистолет-пулемет. Делался для Министерства обороны, а используется сотрудниками МВД. Аналогичен «кедру» по всем параметрам, но отличается по внешнему виду, правда, не каждый медик и разберет — «кедр» это или «кипарис».

*КПВ, КПВТ* — крупнокалиберный пулемет Владимирова. Буква Т означает принадлежность к танку. Калибр 14,5 мм. Позволяет лупить все, что недоступно легкому стрелковому оружию — бронетранспортеры, самолеты, вертолеты и так далее. Стрельба из этого пулемета впечатляет. Результаты этой стрельбы — тем более.

«*Мальш*» (ОЦ-21) — малогабаритный пистолет скрытого ношения. Очень маленький, помещается на ладони, но бьет нормальным макаровским 9-мм патроном.

*МГ-34* — немецкий пулемет универсал. Дитя сумрачного тевтонского гения, которое можно было использовать и как ручной — пользуясь сошки, и как станковый, поставив его на пулеметную станину. Попутно немцы ставили на пулеметы опти-

ку, что делало пулемет совсем гадким для противника, то есть наших дедов и прадедов. Как и положено универсальному оружию, этот машиненгевер<sup>1</sup> оказался тяжеловат для ручного варианта и не вполне гоже как станковый. Особенно это проявилось первой же зимой в России. Мерзлявый и слишком нежный МГ-34 заменяли трофейными пулеметами и быстро заменили на новый МГ-42. Новый оказался настолько хорош, что и сейчас его модификация стоит на вооружении в НАТО.

*Мелкашки* — общее название винтовок, использующих малокалиберные патроны 5,6 мм. Хороши как спортивные и для промысловиков, которым зверька пушного надо брать, не портя шкурку.

*Наган* — название одного из творений оружейника Нагана. Револьвер, бывший на вооружении в российской и советской армии пятьдесят пять лет. Опять же прост, технологичен, точен, и сломать его очень трудно. Минус — медленная перезарядка. Но теми, кто не старался подавить врага хаотичным шквалом огня, а делал ставку на точную стрельбу, этот револьвер уважался. Надо заметить, что вообще-то он делался для кавалерийской драки: одним из условий приемки было остановить лошадь выстрелом. Лошадь-то он останавливал. Человека же прошивал, не нанося при этом тяжелого шока. Это не очень нравилось военным, но подходило пограницам, смершевцам и милиционерам, которым требовалось простреленного взять живьем для лечения и дальнейшей оперативной работы.

*ПБ* — пистолет бесшумный, создан на базе ПМ, приспособлен для бесшумной стрельбы. Те же патроны, та же система, та же дальность стрельбы, но совершенно другой звук выстрела, за что и любим.

*ПМ* — пистолет Макарова. Принят на вооружение вместо ТТ. Как и все советское оружие, прост и надежен. А еще им было удобно открывать пивные бутылки.

*ПБС* — прибор для бесшумной стрельбы. Внешне — вороненый цилиндр, навинчивающийся на ствол автомата.

---

<sup>1</sup> Пулемет (нем.).

*Пистолет Марголина* — очень удачный спортивный пистолет. Уютно лежит в руке, точен, сбалансирован. «Марго» — модификация, предназначенная быть и гражданским, и спортивным оружием, поэтому и оформлен лучше, и выглядит элегантно. Всех почему-то особенно поражает тот факт, что оружейник Марголин был слеп после ранения... Меня скорее поражает, как ему удалось сделать такой удачный пистолет. Очень уж душевная машинка.

*ПК* — пулемет Калашникова под винтовочный мощный патрон. Универсален, может использоваться и как тяжелый ручной, и как станковый. Есть танковая модификация. Как и все сделанное Калашниковым, работает всегда, везде и безукоризненно. Кушает ленты, что позволяет брать больше боезапаса.

*ПНВ* — прибор ночного видения. Здоровенная бандура, крепящаяся на автомат. Позволяет более-менее точно стрелять в темноте.

*Помповушки, помпы* — название семейства многозарядных дробовиков, перезарядка которых происходит при передергивании рукой цевья туда-сюда, похожим на работу помпы. Популярное и часто встречающееся оружие, нетребовательное к качеству патронов, надежное и неприхотливое.

*ПОМЗ* — простая, но очень неприятная в деле мина. Состоит из деревянного колышка, чугунного цилиндра с насечками (граната Ф-1), тола и взрывателя с тонкой провололочкой. В землю втыкается кол, на него устанавливается собственно мина, и провололочка натягивается так, чтоб солдат противника ее ногой зацепил. После этого мина дает шквал низколетающих осколков. У немцев называлась «палка-мина». Этакая растяжка-переросток.

*ППД* — пистолет-пулемет Дегтярева. Пожалуй, первый ПП в СССР. Получился очень сложным и дорогим в производстве, почему и не пользовался особой популярностью у производителей и военных. Проще и дешевле было сделать три СВТ, чем один ППД.

*ППС* — пистолет-пулемет Судаева. Про это оружие можно скромно сказать — лучший пистолет-пулемет Второй мировой войны. Технологичнее, эргономичнее, легче, точнее и проще практически всех остальных ПП того времени. Единственный недостаток — ствол тонкий (для облегченности), потому после настрела более десяти тысяч выстрелов начинал раздуваться. Любимое оружие танкистов, десантников и разведчиков. Только из-за того, что сделан после ППШ, не стал самым массовым, производство уже было под ППШ развернуто.

*ППШ* — пистолет-пулемет Шпагина. Увесистая, но на удивление простая конструкция с целым рядом дивных конструкторских идей. Например, кожух, защищающий руки стрелка от ожогов, заодно являлся компенсатором отдачи и пламегасителем, в связи с чем ППШ давал весьма точную стрельбу. Мало кто знает, что не только для немцев (в Великую Отечественную войну), но и для американцев и прочих канадцев в Корейскую войну) ППШ был очень желанным трофеем, который они пользовались вместо своего штатного оружия. Также отличительным признаком ППШ была потрясающая технологичность в производстве, благодаря которой из качественной стали делалось всего несколько деталей (например, ствол), остальное железо могло быть куда худших кондиций. Да и обработка штамповкой давала возможность делать ППШ неквалифицированным рабочим в любой мастерской.

*ПТРД* — противотанковое ружье Дегтярева. С виду длинная труба ствола, соединенная с трубой казенника, трубой затворной рамы и трубой приклада. Коллекция труб весит больше пуда, лупит такими же патронами, что и КПВ, — 14,5 мм. Потому ружье успешно жгло немецкую технику. Сейчас заменено гранатометами.

*ПСМ* — пистолет самозарядный малогабаритный, конструкции группы Лашнева. Действительно компактный и плоский, под специально разработанные для него патроны 5,45 мм. Только беда в том, что патронов этих не сыщешь, потому либо используется как «оружие последнего шанса», либо вместо него те, кто имеет право на его ношение, пользуются ПМ.

*РПД* — ручной пулемет Дегтярева, под промежуточный патрон. Красивая и легкая машина, избавившаяся от многих недо-

статков ДП (например, ее кормят лентами, а не тяжелыми и неудобными дисками). Уступил место в армии РПК только по причине унификации оружия. Прекрасный легкий пулемет.

*РПК* — ручной пулемет Калашникова. Несколько усиленный автомат Калашникова. Даже ряд деталей взаимозаменяются (для тех, кто не в курсе, это означает высочайшую степень качества производства оружия, когда детали не только от разных одинаковых образцов, но даже видов спокойно переставляются. Означает отличное качество обработки металла и четкое соблюдение размеров деталей.) Подлиннее ствол, побольше магазин. Принятием его на вооружение завершилась идея унификации армейского оружия, предложенная в давние времена основателем советской школы оружейников В. Г. Федоровым.

«*Сайга*» — многочисленное семейство внуков и внучек автомата Калашникова. Началось с того, что потребовалось оружие для борьбы с чудовищно размножившимися стадами антилоп-сайгаков, отсюда и название. На базе АКМ был создан один образец, сейчас есть много вариантов, уже далеко отошедших от прародителя и работающих практически на всех калибрах и видах боеприпасов. Весьма удобный самозарядный карабин.

*СВТ* — самозарядная винтовка Токарева. Как ясно из названия, перезаряжалась сама, не заставляя стрелка передергивать затвор после каждого выстрела. Из-за войны выпуск уменьшили, а потом и прекратили, перейдя на более простые пистолеты-пулеметы и обычные магазинные винтовки. Но в морской пехоте СВТ служили долго и успешно. А еще у этих винтовок длинный клинковый штык. Очень полезная штука во многих ситуациях, не в пример граненому штыку с трехлинейки, который разве что как отвертка может пригодиться солдату в мирной жизни.

*СГ* — станковый Горюнова. Малоизвестная машинка, достойно заменившая пресловутый «максим» и бывшая на вооружении до приема на службу ПК. Станок тяжеловат, а так весьма достойная вещь.

*СКС* — самозарядный карабин Симонова. Из той плеяды оружия, вместе с АК, РПД, которое было создано специально

под промежуточный патрон. Вдоволь навоевался СКС, а сейчас это популярный охотничий карабин и реквизит для выступлений рот почетного караула в ряде стран. Им удобно жонглировать во время показательных выступлений — сбалансирован отлично и смотрится хоть и несколько старомодно, но достойно.

«Смит энд Вессон» — название кучи, нет, скорее тучи револьверов соответствующей широко известной фирмы. На стволе револьвера было написано, только потому главный герой и понял, что за трофейный револьвер достался Саше. Но какая модель — неведомо.

*ТОЗ-106* — ружье охотничье одноствольное многозарядное. ТОЗ — Тульский оружейный завод. В ружье совмещены складной приклад и минимальная длина охотничьего ружья. Получился своеобразный обрез.

*ТКБ-022ПМ* — детище оружейника Коробова и Тульского конструкторского бюро. Конкурент для АК. На вооружение не принят — больно уж вид непривычный, много пластмассы и компоновка булл-пап, то есть нет привычного приклада. А жаль, машинка очень и очень интересная. Ряд наработок Коробова был украден французскими оружейниками...

*ТК* — тульский Коровина. Маленький карманный слабенький пистолетик, выпущенный в 1930-х годах. В мирное время был популярен среди командиров РККА, использовался и как спортивное оружие.

*ТТ* — тульский Токарева. Солидная, надежная и добротная машина, принятая на вооружение вместо нагана. С честью прошел Великую Отечественную, ряд других войн — помельче и понеизвестнее и по-прежнему частенько фигурирует в криминальных хрониках. Сделано этих пистолетов много (и продолжают, кстати, делать в ряде стран). Шьет не слишком навороченные бронежилеты навывлет. Разговоры о том, что пистолет этот — цельнотянутый «Браунинг» 1903, не соответствуют действительности, так как при разборке видны кардинальные различия. Потому сейчас делают именно ТТ, а не указанный браунинг.

*Ф-1* (фенька, лимонка) — оборонительная ручная граната. Как видно из названия, бросается руками. Сделана из чугуна, и потому предполагается, что опасность поражения ее осколками около двухсот метров. На деле не так опасна, что достаточно четко обосновал сапер Веремеев. Но все равно лучше кидать ее из укрытия.

*РСР Logun Axsor* — изрядной мощи духовое ружье. В отличие от других воздушшек требует специального разрешения от МВД как охотничье.

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

*Блюхер, Гебхард Леберехт фон, князь Вальштадтский* — прусский фельдмаршал, командующий прусскими войсками в войнах с Наполеоном I.

*Вильсон, Роберт Томас* — британский генерал и дипломат. В 1806 — 1807 гг. состоял волонтером при русской армии, участвовал в сражениях при Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Фридланде. В 1812 г. в качестве официального британского представителя состоял при штабе российской Главной армии. Резко критиковал нерешительные, по его мнению, действия М. И. Кутузова.

*Вяземский, Петр Андреевич* — известный русский поэт и литературный критик XIX в.

*Гейбл, Кларк* — американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х гг. по прозвищу Король Голливуда.

*Герман, Александр Викторович* — командир 3-й Ленинградской партизанской бригады. Герой Советского Союза. Погиб в 1943 г.

*Герман, Алексей Юрьевич* — советский и российский кинорежиссер, народный артист РФ. Создатель кинофильмов «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны», «Мой друг Иван Лапшин».

*Джонсон, Уэнделл* — американский психолог, пионер исследований в области речевого развития.

*Игнатъев, Алексей Алексеевич* — граф; до Октябрьской революции 1917 г. полковник и дипломат, после революции перешел на сторону советской власти, был дипломатом. По возвращении в СССР служил в армии, в Великую Отечественную войну воевал в чине генерал-лейтенанта. Автор знаменитых мемуаров «Пятьдесят лет в строю».

*Исаев, Василий Исаевич* — выдающийся русский врач и микробиолог, главный доктор Кронштадтского госпиталя в 1896 — 1911 гг.

*Кардиган, Джеймс Брайднелл* — английский генерал, граф, начальник легкой кавалерийской бригады в сражении под Балаклавой в октябре 1854 г.

*Кариус, Отто* — немецкий танкист-ас времен Второй мировой войны.

*Колобанов, Зиновий Григорьевич* — легендарный советский танкист-ас времен Великой Отечественной войны.

*Коммод, Луций Элий Аврелий* — римский император в 180 — 192 гг. н.э. 1 января 193 г. Коммод намеревался отпраздновать годовщину своего восшествия на престол в одеждах гладиатора, но 31 декабря 192 г. был задушен своим рабом Нарциссом. О судьбе Коммода рассказано в знаменитом фильме режиссера Ридли Скотта «Гладиатор», роль императора исполнил актер Хоакин Феникс.

*Кривошеев, Григорий Федорович* — автор исследования по потерям России и СССР в войнах, на данный момент наиболее научного и точного.

*Лыковы* — семья староверов, прожившая свыше 40 лет отшельниками в горах Абаканского хребта Западного Саяна (Хакасия). Шесть человек — трое мужчин и трое женщин. Были случайно обнаружены геологами в 1978 г.

*Маништейн, Эрх фон* — немецкий фельдмаршал времен Вто-



рой мировой войны; отличался особой жестокостью в отношении гражданского населения СССР.

*Маринеско, Александр Иванович* — прославленный командир подводной лодки С-13, капитан 3-го ранга.

*Масамунэ из Сагами* — самый прославленный и почитаемый оружейник Японии. Работал в XIV в.

*Матросов, Александр Матвеевич* — рядовой 56-й гвардейской стрелковой дивизии (Калининский фронт). 23 февраля 1943 г. в бою за деревню Чернушки прорвался к вражескому дозуту и, закрыв своим телом амбразуру, пожертвовал собой, чтобы обеспечить успех наступлению. Герой Советского Союза.

*Мюллер-Гиллебрандт, Буркхарт* — генерал вермахта; написал книгу «Вермахт в 1939 — 1945 годах», полную умолчаний, передергиваний и прочих ухищрений для того, чтобы выставить рейх куда более слабым, чем он был на самом деле. Для гитлерофилов — настольная книга.

*Норрис, Джон* — английский адмирал. Во время русско-английской войны 1719 — 1721 гг. английский флот под его командованием совершил три безуспешные экспедиции против русских в Балтийское море.

*Оськин, Александр Петрович* — выдающийся советский танкист времен Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

*Пегов, Григорий Иванович* — советский танкист времен Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

*Поленов, Андрей Львович* — один из основоположников советской нейрохирургии, академик АМН.

*Ремарк, Эрих Мария* — великий немецкий писатель XX в.

*Салмонд (Сэлмонд), Роберт* — капитан парохода-фрегата «Биркенхед». Погиб вместе со своим кораблем 26 февраля 1852 г. Знаменитые слова: «Женщины и дети — вперед», — были сказаны командиром пльвшего на «Биркенхеде» 74-го

полка гайлендеров подполковником Александром Сетоном (он тоже утонул).

*Сергий Радонежский* — величайший подвижник Земли Русской, преподобный; основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря; преобразователь монашества в Северной Руси. Св. Сергий благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

*Тотлебен, Эдуард Иванович* — выдающийся военный инженер, создатель оборонительной линии Севастополя в годы Крымской войны (1854 — 1856).

*Хартман, Эрих Альфред* — немецкий летчик-ас, считается самым успешным пилотом-истребителем в истории авиации. Большая часть его побед не подтверждена документально.

*Цуда Сукэхиро* — знаменитый кузнец XVII в. родом из провинции Этидзэн; работал в городе Осака. Особо почитаем мастерами синто Канбун (мечи, изготовленные в период эры Канбун 1661 — 1673 гг.).

## ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

*Агональное дыхание* — дыхание частое, поверхностное, судорожное, хриплое.

*АТЭП* — автотранспортное экспедиционное предприятие.

*Афродизиаки* — вещества, стимулирующие половое влечение и половую активность.

*Бикса* — металлическая коробка для стерилизации перевязочного материала и белья.

*БМП* — беговая машина пехоты.

*БТР* — бронетранспортер.

*Бури* — член студенческой корпорации в немецких университетах.

«*Буханка*» — микроавтобус УАЗ.

*Велфер* — социальное пособие в США.

*ВНОС* — войска воздушного наблюдения, оповещения и связи.

*Водмех* — водитель-механик.

*Газенваген* — мобильная газовая камера, созданная в Германии для массового уничтожения людей путем отравления угарным или выхлопным газом. Применялась исключительно для истребления советских военнопленных и мирных граждан СССР.

*ГЛАВПУР* — Главное политическое управление Рабочее-крестьянской Красной армии.

*Готмитунс* — ременная пряжка вооруженных сил Германии. Называется по надписи на пряжке «Бог с нами!».

*Десмургия* — отдел малой хирургии, посвященный учению о повязках.

*Дзот* — деревоземляная огневая точка.

«*Жевело*» — капсюль-воспламенитель к охотничьим дробовым патронам.

*Зимняя война* — популярное название советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг.

*Имбецил* — человек, больной имбецильностью, т. е. средней степенью олигофрении.

*Ингумация* — захоронение в могиле.

*Инсуррекция* — восстание, носящее выраженный политический характер.

*Ихорозный* — гнилостный, характерен для разлагающихся тканей с образованием дурно пахнущих газов.

*Кайтселийт* (Союз обороны) — добровольческое военизированное формирование в Эстонии. Наряду с Вооруженными силами Эстонии входит в состав Сил обороны Эстонии.

*Кантаридин* — яд небелковой природы, вырабатываемый, в частности, шпанскими мушками.

*Капонир* — фортификационное сооружение для ведения флангового огня из пушек по двум противоположным направлениям и для укрытия техники; представляет собою сводчатое, присыпанное землей помещение.

*КБФ* — Краснознаменный Балтийский флот.

*КВД* — кожно-венерологический диспансер.

*Кевлар* — марка волокна, обладающего высокой прочностью. Используется, в частности, для изготовления средств индивидуальной бронезащиты — бронежилетов и бронешлемов.

*Кригсмарине* — официальное название германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха.

*Кутуль* (хотуль) — большой мешок.

*Куяк* (хуяг) — общее название восточных и русских доспехов.

*ЛЦУ* — лазерный целеуказатель.

«*Лягушка*» — мягкий пластиковый пакет для кровезаменителя.

*Макабрический* — могильный, жуткий, мрачный.

*Матальга* — жаргонное прозвание артиллерийского легкобронированного тягача МТЛБ.

*Монитор* — класс низкобортных броненосных артиллерийских кораблей, действующих преимущественно у побережья.

*Мортус* — служитель при больных чумой, который убирает также трупы умерших.

*Начвор* — жаргонное прозвание начальника вооружения.

*НВП* — начальная военная подготовка (учебный предмет в советской школе).

*Нигрол* — черное трансмиссионное масло.

*ОКВ* (OKW) — Верховное главнокомандование вермахта.

*Организация Тодта* — военно-строительная организация в Третьем рейхе.

*ОРЗ* — острое респираторное заболевание.

*Пататор* — медицинское название хронического алкоголика.

*Перкуссия и пальпация* — методы обследования больного, соответственно: постукивание и ощупывание.

*ПР* — палка резиновая, «демократизатор».

*Прави́ло* — устаревшее: руль.

*Психосоматика* — учение о роли психических факторов в возникновении, течении и исходе соматических (телесных) заболеваний.

*РККА* — Рабоче-крестьянская Красная Армия. Так назывались Вооруженные Силы Советской России и СССР с 1918 по 1946 г. С 25 февраля 1946 г. переименована в Советскую Армию.

*Скартированный* — покрытый шрамами, нанесенными «для красоты»; в былые времена скартирование было модно у африканских негров, оно выполняло роль паспорта, нанесенного на тело, чтобы все сразу понимали, кто и откуда. Немецкие студенты переняли эту моду у негров. Сейчас эта мода распространилась под видом тату на не слишком умную публику.

*Спираль Бруно* — противопехотное заграждение в виде цилиндрической спирали, свитой из нескольких пересекающихся нитей колючей или обычной проволоки и растянутой на опорах.

*Сюрвайвелист* — американское прозвище человека, выживающего в экстремальных условиях.

*Терминальное состояние* — состояние обратимого угасания жизнедеятельности организма, предшествующее биологической смерти.

*Торпидная фаза шока* — фаза истощения защитных сил организма, характеризующаяся общей заторможенностью.

*УНА — УНСО* — Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона, так называется украинская политическая партия праворадикального толка.

*Фимоз* — сужение крайней плоти, при котором головка полового члена не открывается совсем или открывается с трудом. Лечится аккуратным рассечением узкого места или обрезанием.

*Фискарс* — нож производства финской компании «Фискарс», которая изготавливает различный инструмент, в том числе ножи, ножницы, топоры, лопаты, садовый инвентарь, товары для рукоделия.

*Фольксбунд* — немецкая организация, занимающаяся похоронами немецких военнослужащих.

*Фольксдойче* — этнические немцы, жившие за пределами Германии, в диаспоре. «Второсортные» немцы по сравнению с чистокровными имперскими немцами. Имели право служить в вермахте.

*Фольксштурм* — народное ополчение Третьего рейха.

*ХПН* — хроническая почечная недостаточность.

*Шанкр* (язвочка) — безболезненное изъязвление, образующееся при первичном периоде сифилиса.

«*Эмден*» — немецкий легкий крейсер времен Второй мировой войны. Потоплен подводной лодкой С-13.

*Эйнхерии* — в германо-скандинавской мифологии: лучшие воины, павшие в битве и вознагражденные вечной жизнью в Вальхалле.

*ЭПРОН* — Экспедиция подводных работ особого назначения; государственная организация в СССР, занимавшаяся подъемом затонувших судов и проведением аварийно-спасательных работ. В дни блокады водолазы-эпроновцы проложили по дну Ладожского озера бензопровод и электрические кабели.

## СОДЕРЖАНИЕ

НОЧНАЯ СМЕНА. ОСТРОВ ЖИВЫХ. <i>Фантастический роман</i> . . .	5
Приложение	
Оружие . . . . .	390
Исторические личности . . . . .	400
Термины и понятия . . . . .	403